

Марлен Ньяммах

РАЗВИТИЕ БУДДИЙСКИХ СТУП И ВИХАР В ДЕКАНЕ (в I—IV вв. н. э.)

I. СТУПЫ САНЧИ, ВХАРХУТА И АМАРАВАТИ— СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИХ ПОСВЯТИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ

СТУПА — главное святилище буддизма, но это вовсе не специально буддийское «изобретение»: ее прототипы восходят к самой глубокой древности. «Обычай воздвигать искусственный могильный холм или курган, насыпать кучу земли или камня встречается повсюду. Нельзя сказать, что он был, собственно говоря, ведическим»¹.

Ступа и связанный с ней культ происходит, по-видимому, из мегалитического *тумулуса* — могильной насыпи из камня, которая уже в V в. до н. э. была обычной формой погребения высокопоставленных лиц. Ступа, очевидно, не была связана лишь с ведическо-брахманской сферой, но была унаследована от автохтонов. Буддизм возник на востоке Индии, в районе распространения небрахманских племен и союзов племен. В Satapatha Brāhmaṇa имеется упоминание о каком-то не брахманском народе Востока, гробницы которого имели круглую форму².

Согласно буддийскому преданию, после смерти Будды в Кусинагара восемь племен (Шакья, Маллы, Личчхавы и др.) разделили между собой его останки и воздвигли над ними ступы. Когда буддизм вырос из обычной секты в широко распространенное и признанное религиозное направление, *тумулус* превратился в монументальное святилище для хранения реликвий³. Решительный сдвиг произошел, вероятно, в период Маурьев, вернее всего, при Ашоке, когда буддизм благодаря поддержке со стороны государства выдвинулся на первый план. Х. Г. Франц различает в развитии ступы два этапа: 1) раннюю ступу — надгробный памятник Будды и 2) ступу — сакральное сооружение, связанное с трансцендентными представлениями (*transzendierender Sakralbau*)⁴. Завершение развития ступы происходило под иранским, эллинистическим и среднеазиатским влиянием, преимущественно на севере и северо-западе Индии.

Древнейшие остатки культовых сооружений в Санчи восходят ко времени Ашоки. При Шунгах (которые, согласно индийской традиции, вовсе

¹ L. De la Vallée-Poussin, *L'Inde aux temps des Mauryas et des Barbares*, Grecs, Parthes et Yüe-Tchi, P., 1930, стр. 147.

² «The Satapatha-Brahmanam, acc. to the Text of the Mādhyandina School», transl. by J. Eggeling, pt. 5 («Sacred Books of the East», XLIV), 1900, стр. 43—44.

³ Ср. E. Lamotte, *Histoire du Bouddhisme Indien*, Louvain, 1958, стр. 346.

⁴ H. G. Franz, *Buddhistische Kunst Indiens*, Lpz, 1965, стр. 26—27.

не были покровителями буддизма) в Санчи и Бхархуте возникли новые сооружения.

С а н ч и: 1) каменная облицовка и большая балюстрада I ступы (без скульптурных украшений); 2) главная часть II ступы с каменной оградой и скульптурой; 3) главная часть III ступы без каменной ограды; 4) ступы IV и V.

Б х а р х у т: каменная ограда большой бхархутской ступы с богатыми скульптурными украшениями ⁵.

Строительство в Санчи продолжалось в еще большем масштабе при Сатаваханах (Sātavāhana): «Четыре портала (torana) I ступы и единственный портал III ступы (в Санчи. — М. Н.), скульптура которых является самым характерным выражением древнебуддийского искусства, датируется временем первых Сатаваханов (60—17 гг. до н. э.)» ⁶.

На оградах и воротах в Санчи и Бхархуте сохранились многочисленные надписи. Лишь немногие из них относятся ко времени после Ашоки и к периоду Шунгов, большинство же появилось в начале нашей эры и в I в., когда центр сатаваханского царства находился в Центральной Индии и в северной части Декана. С перемещением господства Сатаваханов в юго-восточную Андхрадешу буддийская архитектура переживает там новый расцвет. Важнейшие культурные центры — Джаггайпета, Бхаттипролу, Гунтушпалле, Гудивада, Амаравати, Голи, Гхангашала и Нагарджуниконда — были расположены по долинам рек Кришна и Годавари ⁷.

Если Санчи представляет собой самое прославленное место расположения буддийских храмов и монастырей на территории старого царства Сатаваханов, то для их южного царства такое же значение имеет Амаравати. От самого значительного культового сооружения Амаравати — большой ступы — сохранились только остатки, но до нас дошло более ста рельефов, которые можно причислить к высшим достижениям буддийского искусства. Для большой ступы Амаравати можно установить три основных этапа развития: самый ранний начался около 100 г. н. э., когда основная строительная деятельность в Санчи была уже давно завершена; второй относится ко II в., а последний к концу II — началу III в. н. э. ⁸

Подобно буддийской пластике Санчи и Бхархута, которая в соответствии с ранней эпохой своего возникновения является не иконической, в наиболее ранних рельефах Амаравати мы видим «вместо Будды отпечаток его ступней (Buddhapada) и плоский стиль в изображении фигур, близкий к стилю Санчи/Бхархута с его плоскими лицами и лишь слегка выступающими над поверхностью телами... Пластика Андхры прошла тот же процесс перехода от стиля плоско очерченных фигур к языку органично округленных форм, сходный с тем, который... появился при переходе от пластики Бхархута к пластике Санчи и, наконец, Карле» ⁹.

Пластике дальнейших фаз уже известно изображение Будды. В южном Декане развитие махаяны в буддизме совершилось не без влияния североиндийских условий.

Как не существует разрыва в процессе развития между буддийским искусством Центральной Индии и буддийским искусством Андхры в Юго-Восточном Декане, так и между надписями Санчи/Бхархута, с одной сто-

⁵ Ср. Lamotte, ук. соч., стр. 358.

⁶ Там же; см. также Franz, ук. соч., стр. 35.

⁷ Ср. Franz, ук. соч., стр. 150.

⁸ Старая археология относила большую ступу Амаравати к очень ранней дате, отчасти ко времени Ашоки. Теперь на основании новых археологических находок в районе Кришны — Годавари ранний период строительства Амаравати датируют в общем намного позже.

⁹ Franz, ук. соч., стр. 153 сл.

роны, и Амаравати, с другой, существует только различие по времени, но не по существу. И по форме, и по содержанию те и другие эпиграфические памятники (речь идет большей частью о кратких посвяtitельных надписях) очень сходны между собой.

Если же обратиться к социальному составу жертвователей Санчи/Бхархута, с одной стороны, а Амаравати, — с другой, то оказывается, что в основном их состав был тоже одинаков — верхние и средние городские слои (купцы, торговцы, ремесленники, в большинстве случаев объединенные в *шрени*)¹⁰. Другая важная опора буддизма — царь с придворной и служилой знатью — почти не фигурирует в надписях ступ Санчи/Бхархута и Амаравати. Несмотря на то, что фаза наиболее пышного строительства Санчи падает на начало владычества Сатаваханов, ни в одной из до сих пор найденных надписей они не фигурируют в качестве жертвователей, то же самое наблюдается и в Амаравати, важном центре буддийского искусства при Сатаваханах. Причина этого, видимо, кроется в характере эпиграфического материала — почти всегда это краткие посвяtitельные надписи, в которых речь идет о пожертвовании небольших предметов.

А м а р а в а т и. Не принимая во внимание хронологическую последовательность, мы начинаем с надписей Амаравати, так как они создают более ясное представление о составе жертвуемых объектов, избавляя от необходимости анализировать с этой точки зрения надписи Санчи/Бхархута; напротив, при изучении социального состава жертвователей последние значительно обогащают и дополняют материал Амаравати.

Вотивные объекты состоят главным образом из обычных для ступ столбов и плит; посвящения статуй Будды, столь частые в надписях североиндийских ступ, в изучаемых надписях не встречаются совсем, но, конечно, при отсутствии в Санчи/Бхархуте и Амаравати скульптурных изображений их и нельзя здесь ожидать¹¹. *śhabha, thāmbha; cetiyakhabha* — столб-четвы; *divathabha* — столб со светильником — Lüders¹² — №№ 1208, 1218, 1220, 1222, 1245, 1246, 1260, 1266, 1277, 1280, 1282, 1295, 1298, 1302, 1210, 1229, 1214 и 1244; *pāta* — каменная плита — №№ 1213, 1215, 1216, 1226, 1282, 1291 и 1295; *udhapaṭa (upata)* — вертикально поставленная плита — №№ 1235, 1243, 1262, 1271 и 1272; *śhakarapaṭa* — плита с «Колесом Закона» — № 1253; *padukapaṭa* — плита со следами ног Будды — № 1217; *cetiyaṛapaṭa* — плита с изображением *четвы* — № 1225; *sothikapaṭa* — плита со знаком свастики — № 1287; *puphaganiyaṛapaṭa (?)* — плита с изображением вазы (?)¹³ — №№ 1273 и 1225 (*punaghaḍakapaṭa*); *śhhata* — каменный навес — № 1276; *śsuchi, śsuyi* — перекладины — №№ 1241, 1247, 1254, 1261 и 1263; *vetika* — балюстрада — №№ 1206, 1216 и 1269; *unisa, unniśa* — камень, покрывающий столб балюстрады — №№ 1221, 1225, 1231, 1251, 1256, 1281, 1283 и 1285; *dhamachaka* — «Колесо Закона» — № 1248; *paḍuka, paṭuka* — следы ног (Будды) — №№ 1209, 1217, 1219, 1225 и 1286; *dāra* — ворота — № 1255; *śsihaṭhāna* — львиный трон Будды — № 1223; *cetiya* — *чайтья*, молельня — № 1216; *padhānamaḍava* — род павильона, предназначенного для религиозных церемоний — № 1230; *abadamala (abātamālā)*¹⁴ — №№ 1249 и 1287.

¹⁰ Санскр. *śreṇi* «товарищество, цех, гильдия».

¹¹ Тем чаще зато встречаются изображения символов Будды, его «следы», его сиденье, «Колесо Закона» и т. п. См. И. Lüders, №№ 1217, 1219, 1223, 1225, 1253.

¹² И. Lüders, A List of Brahmi Inscriptions from the Earliest Times to about A. D. 400, EI, X (App.), 1910 (далее — Lüders).

¹³ Слово, которое мы читаем как *puphaganiyaṛapaṭa*, полуразрушено.

¹⁴ Lüders, №№ 1249 и 1287 фрагментированы, чтение *abatamala* — сомнительно; санскр. *mālā* «венки» (?).

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ

Амаравати

Лица духовного звания:

bhikhu — монах — Lüders, № 1295 (daharabhikhu — молодой монах, № 1272); atevāsika — духовный ученик¹⁵ — №№ 1272, 1280 и 1295; pravachita — монах¹⁶ — № 1234 (сестра одного ~) и 1270; bhikhunī — монахиня — №№ 1223, 1250, 1252, 1257, 1264 и 1280; atevāsini — духовная ученица — №№ 1224, 1237, 1246, 1286 и 1295; pavajitika — монахиня — № 1262; samanika — аскетствующая монахиня¹⁷ — №№ 1242, 1258 и 1315; therā — старейшина общины¹⁸ — №№ 1223 и 1250 (navakamma четьи¹⁹ № 1289; mahātherā — главный старейшина общины (более высокого ранга, чем therā) — № 1272 (atevāsika одного ~); chetiyaṃdaka (chetiṃvādaka) — почитатель четьи²⁰ — №№ 1223 и 1263 (брат одного ~); mahāvinaṃdhara — знаток винайи (высокого ранга)²¹ — № 1270 (atavārika одного ~); vinaṃdhara — знаток винайи — № 1286 (atevāsini одного ~); dhammakathika — проповедник дхаммы²² — № 1267; urajhaya — духовный наставник (например послушников) — № 1273 (сын одного ~); uvajhāyini — духовная наставница (послушницы) — № 1286; peṃḍarātika — пищенствующий монах²³ — № 1272.

В надписях ступ Амаравати и Санчи/Бхархута, так же как и в буддийских пещерных надписях западных Гхат, жертвователями являются многочисленные духовные лица. Этот факт требует объяснения, поскольку известно, что *бхикху* не должны были иметь никакой собственности, кроме вещей личного обихода. Здесь представляются две возможности: либо лица, решившие посвятить себя духовной жизни, делали пожертвование при своем вступлении в бездомную жизнь, т. е. в монастырь, либо члены семьи *бхикху* или *бхикхуни* (вся буддийская повествовательная литература указывает на то, что монахи никогда полностью не теряли контакта со своими родными) давали им поручение пожертвовать в храм или монастырь какой-нибудь определенный предмет от своего имени. В надписях духовных жертвователей родственники упоминаются в связи с тем, что даение должно принести им благо. Принесение дара буддийской ступе или *вицаре* (монастырю) считалось чрезвычайной заслугой.

¹⁵ Санскр. atevāsin.

¹⁶ Санскр. pravrajaka, pravrajika «нищенствующий монах, монахиня», синоним bhikṣu, bhikṣuni.

¹⁷ Санскр. śramaṇa (ā, ī) «нищенствующий монах, монахиня»; в частности, употребляется для обозначения джайнских монахов, см. «Nathigumpha Inscriptions of Kharavela» (EI, XX, № 7, стк. 15); Lüders, № 1345; Mathura-Inscriptions — Lüders, №№ 59, 75, 93, 102 и 108.

¹⁸ Санскр. sthāvira; первоначально обозначение старшины общины, позже, вероятно, приобретало все больше и больше значение титула или, быть может, ученой степени — на что указывает «mahāthera» как более высокий ранг, чем «thera»: «Saṅghasthāvira» in Mathura-Inscriptions — Lüders, №№ 129—131.

¹⁹ Lüders, № 1250: therā Budharakhita был «navakamma» у четьиков, т. е. монахом секты четьи, отколовшейся от махасангитиков. «Navakamma» (чаще navakammika) — монах или мшрянин, руководивший постройкой, достройкой и перестройкой в монастыре или храме.

²⁰ См. предыдущее примечание.

²¹ Между «mahāvinaṃdhara» и «vinaṃdhara» было такое же соотношение, как между «thera» и «mahāthera», ср. прим. 18.

²² По R. C. Childers, A Dictionary of the Pali Language, L., 1875, стр. 117; «One who expounds the Law», «one who has the gift of preaching».

²³ Санскр. piṇḍa «хлеб, пропитание»; vṛddhi «ступень, степень»; санскр. piṇḍa, пракр. peṃḍa.

Миряне:

urāsaka — мирянин-последователь буддизма ²⁴ — №№ 1239 (жена~), 1271, 1284 и 1303; uvāsikā — мирянка-последовательница буддизма — №№ 1206, 1252 (дочь~), 1268 и 1276; gaharati — домохозяин, глава семьи ²⁵ — №№ 1206 (дочь~), 1209 (сын~), 1211, 1216, 1220 (сын~), 1221 и 1222 (внук~), 1244 (жена~), 1248, 1254 (сын~), 1255, 1274 (сын~), 1277 (сын~) и 1302; pāṇiyagharika — начальник снабжения ²⁶ — № 1279; senagora — начальник снабжения армии ²⁷ — № 1266; herañika — казначей ²⁸ — №№ 1239, 1247 и 1297; leghaka — писец — № 1291; vāṇij — торговец — №№ 1213 (сын~), 1214, 1229, 1239 (жена~), 1278 и 1281; vāṇiyinī — жена торговца — №№ 1285, 1292; seṭhin — купец ²⁹ — № 1261; aṅṅani — ремесленник — № 1298 (дочь~); chaṅmakāra — кожевник — № 1273; gadhika — торговец благовониями ³⁰ — №№ 1210 и 1230.

Санчи — Бхархут ³¹*Лица духовного звания:*

bhikhu — монах — Lüders, №№ 167, 171, 174, 176, 180, 185, 190, 192, 194, 196, 211, 235, 240, 275, 276, 282, 284, 288, 290, 294, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 309, 310, 311, 316, 322, 335, 337, 342, 343, 356, 361, 367, 376, 380, 386, 390, 393, 394, 395, 424, 442, 453, 454, 472, 473, 484, 488, 491, 492, 518, 530, 535, 574, 575, 579, 580, 601, 602, 606, 607, 608, 614, 622, 628, 631, 632, 633, 638, 640, 642, 647 (мать~), 649 и 652; atevāsin — духовный ученик — №№ 347, 531, 569, 587, 612 и 800; bhikhunī — монахиня — №№ 168, 175, 183, 187, 226, 239, 253, 282, 291, 292, 305, 317, 318, 327, 328, 329, 333, 341, 344, 364, 365, 369, 374, 383, 400, 402, 410 (мать~), 412, 427, 430, 434, 438, 439, 452, 462, 468, 471, 478, 489, 499, 500, 504, 509, 512, 515, 520, 524, 526, 533, 534, 536, 538,

²⁴ Мирские последователи и последовательницы стояли близко к буддийской сангхе и поддерживали ее, однако сами не вступали в сангху. «Содружество, живущее подаванием, было нужно для того, чтобы привлечь к своим интересам людей, имевших доходы и имущество. Поэтому институт так называемых «почитателей» и «почитательниц» являлся вовсе не тщетным делом, а напротив, имел самое важное значение для дальнейшего существования всего предприятия, вызванного к жизни Буддой... однако узы, связывавшие этих благодетелей (ибо ничем иным и не были фактически эти «почитатели» обоего пола) с орденом, не являлись особенно прочными» (E. H a r d y, Der Buddhismus nach älteren Pāli-Werken, изд. 3, Münster i. W., 1926, стр. 128).

²⁵ Санскр. gṛharati «домохозяин, отец дома, глава семьи». По Р. Фикку gaharati означает «... как правило, если не всегда, выдающегося своим благородным происхождением и богатством землевладельца или хозяина торгового предприятия. Мы не ошибемся, если будем рассматривать этих gaharati — отчасти как сельских gentry, — мелкопоместное дворянство в противоположность дворянству, состоящему в родстве с княжеским домом — khattiya, а отчасти как знатные и богатые семьи горожан, которые можно сравнить с патрициями вольных и торговых городов средневековья» (R. F i s k, Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddhas Zeit, Kiel, 1897, стр. 164). Первое мнение не подтверждается изученным нами эпиграфическим материалом, второе же подходит.

²⁶ Надпись очень фрагментарна. Из нее можно извлечь только то, что речь идет здесь об одном чиновнике какого-то царя Siri-Sivamaka-Sada (из династии Саваханов), который занимался чем-то в связи с водоснабжением или орошением; более точно установить невозможно.

²⁷ Военский ранг вроде senāpati. Гора указывает, очевидно, на административные или, вернее, снабженческие обязанности senāgora.

²⁸ От санскр. hiraṇya «золото»; hairaṇyaka, herañika не следует смешивать с hiraṇyakāra «золотых дел мастер»; см. также L ü d e r s, № 74 (Mathurā).

²⁹ К проблеме seṭhi см. I. F i š e r, The Problem of the Seṭhi, ArOr, XXII, 1954, стр. 239—265.

³⁰ Также L ü d e r s, №№ 37, 68 и 76 (Mathurā); № 1187 (Pitalkhorā).

³¹ Там, где речь идет о надписях Бхархута, дается соответствующее указание; все остальные ссылки относятся к надписям Санчи; в эпиграфике Санчи встречаются также названия Kakaṇava, Kakanādoḇa, Boḇa-Srīparvata.

539, 546, 557, 561, 563, 568, 582, 583, 584, 586, 588, 590, 593, 611, 618, 620, 623, 624, 629, 630, 637, 645 и 650 — 651; Бхархут — №№ 718, 720, 723, 761, 764, 778, 806, 815, 817, 819, 841 и 870. Группы bhikhunī (монахинь)³² — №№ 163, 359, 368 и 542; atevasinī — духовная ученица — №№ 245, 573, 589 и 648; therā — старейшина общины — № 451; bhānaka — проповедник³³ — Бхархут, №№ 738, 762 и 773 (pavakammika), 789 и 804; pācānekāyika — «знаток пяти *никайя*»³⁴ — Бхархут, № 867; sutāntika — последователь *саутрантики*³⁵ — № 635 и Бхархут, № 797; sapurisa — святой³⁶ — № 308; petakina — знаток Питака³⁷ — Бхархут, № 856; dharmakathika — проповедник *дхаммы* — № 347; tāpasa — аскет³⁸ — № 445; satupadāna³⁹; Бхархут, № 857 — bhikhu sādhipihārīna⁴⁰ — № 395; bhātudesaka — раздающий продовольствие⁴¹ — Бхархут, № 812.

Миряне:

upāsaka — мирянин-последователь буддизма — №№ 466 и 621; upāsikā — мирянка-последовательница буддизма — №№ 199, 212, 214, 272, 406, 417, 446 и 627; gaharati — домохозяин, правитель дома, глава семьи — №№ 193, 201 (дочь ~), 202, 449, 450 (невестка ~) и Бхархут, № 725; gharinī — домохозяйка — № 516; rājan — царь — Бхархут, № 687 (rājan Dhanabhūti Vāchhīputa), № 882 (супруга его), № 869 (сын его — kumāra Vadhāpāla); devī — царица⁴² — № 169; rājālipikara — царский писец⁴³ — № 271; lekha —

³² *Бхикку* и *бхиккхуни* (пали — bhikkhu, bhikkhunī) — самое употребительное обозначение буддийских монахов и монахинь. Сам Будда окликал своих учеников словом «bhikkhave». Надписи L ü d e r s, №№ 359, 368 и 342 трактуют каждая о совместном пожертвовании двух монахинь; № 163 — фрагментарен: [vaḍḍivihāna bhichūnina dānaṃ «дар монахинь из Ваддивахана» (?) — EI, II, № 31 (124). Может быть, дело касается пожертвования монахинь определенного монастыря или, по меньшей мере, женской общины (Bhikhunīsamgha) округа или местности Ваддивахана.

³³ Bhaṇaka «проповедник» — L ü d e r s, № 663 (Бхархут); bhadata Aya Isipatita был «bhaṇaka» и «pavakammika».

³⁴ Наверное, почетный титул, который давался, чтобы отметить ученость соответствующего монаха. Своего рода «иерархия учености» развилась в ордене довольно рано.

³⁵ Sutatika (sutāntika), санскр. Sautrantika — подразделение (секты) *сарвастивадинов*.

³⁶ L ü d e r s, № 308 — чтение затруднительно: [bha]rādiyasa yugaraḥakasa dānaṃ — «дар Bharādiya [святого (sapurisa)], одного yugaraḥaka (того, кто понимает свой век)»?

³⁷ Ср. также «Sarnath Buddhist Image Inscription of Kaṇiṣka's Reign, Year 3» (EI, VIII, № 17); L ü d e r s, № 927; ср. также L ü d e r s, № 38; Dīpavaṃsa, IV, 4.

³⁸ Ср. «Mathura, Brahmi Inscription of Kaṇiṣka's Reign, Year 4», EI, XXXIV, № 2, 1; L ü d e r s, № 1267 (Amaravati). Упоминание «tāpasa» в числе жертвователей ступы в Санчи кажется странным. Сомнительно, имеем ли мы здесь вообще дело с буддийским *бхикку*. Судя по палийским источникам, Будда считал аскетизм совсем бесполезным для достижения истинной цели. Из лаконически краткого текста в № 445 извлечь больше ничего нельзя.

³⁹ Санскр. satrupradāna «обращающий врага», по L a m o t t e, ук. соч., стр. 455 «adonne à fixation de la mémoire».

⁴⁰ *Бхикку sādhipihārīna* встречается в целом ряде надписей: «Bodh-Gaya Inscription», L ü d e r s, № 949 — «sadhavihārīn»; «Loriyan Tangai Inscription, Year 318», «Corpus Inscriptionum Indicarum», vol. II, № XL, pl. XXI, 1 — «sadaviyari»; «Sarnath Buddhist Image Inscription of Kaṇiṣka's Reign, Year 4», EI, VIII, № 17, L ü d e r s, № 927 — «sadhavihāra»; «Mathura Inscription of Kaṇiṣka's Reign, Year 4» (EI, XXXIV, № 2, 1) — «sādhyavihārī». По Д. С. Сиркару слово «sādhipihārīn» означает «чей-нибудь коллега-священник, живущий в том же монастыре» (EI, XXXIV, № 2, 1, стр. 10). В Сарнатхской надписи тоже ясно выступает это значение, монах Бала, «ḡreḡiṭaka» (тот, кто сведущ во всех трех Питаках), описывает себя здесь как «sādhyavihārīn» монаха Пушьявуддхи (EI, VIII, № 17); ср. также «Seṭ-Maheṭ Image Inscriptions of the Time of Kaṇiṣka and Huviṣka» (EI, VIII, № 18, 1A).

⁴¹ Пали — Bhattudesaka, монах, который заведует распределением продуктов питания, ср. Cullavagga, IV, 4, 3.

⁴² Жена царя, стоящая рангом ниже главной жены (mahadevī, mahiṣī).

⁴³ Может быть, титул чиновника царской канцелярии.

писец — № 209; rajuka — землемер⁴⁴ — № 416; asavāraka⁴⁵ — № 381, Бхархут, № 728 (asavārika); seṭhin — купец — №№ 184, 200 (жена ~), 207, 246 (мать ~), 248, 255 (брат ~), 283, 339, 348, 363, 379, 422, 423 (жена ~), 470, 576 и 581; vāṇija — торговец — №№ 269, 280, 320 и 355; āvesanī — ремесленник⁴⁶ — № 346; vaḍakina — плотник⁴⁷ — № 495; daṃtakāra — резчик по слоновой кости⁴⁸ — № 345; sotī — ткач⁴⁹ — № 331; rūpakāra — скульптор⁵⁰ — № 857; kamika⁵¹ — № 181; viśakama⁵² — № 173; rakasavanodasa⁵³ — № 213; yona⁵⁴ — № 547.

Анализ состава жертвователей Санчи/Бхархута и Амаравати дает следующую картину.

Надписи духовных лиц не дают никаких указаний на их прежнее социальное положение. Лишь косвенным путем (если в надписях *бликху* и *бликхуни* упоминаются родственники и общественное положение последних) удастся установить, что многие монахи и монахини вышли из среднего сословия (торговые, купеческие, ремесленные круги). Некоторые обозначения духовных лиц производят впечатление титулов или различных рангов внутри буддийской *сангхи*, например, «*thera*» и «*maḥathera*», «*vinayaṃdhara*» и «*maḥāvinayaṃdhara*». Другие обозначения, например «*dhammakhatika*», возможно, указывают на некоторую специализацию в какой-нибудь части буддийского учения, например, *дхамме* (*dhamma*) или *винае* (*vinaya*). Такие обозначения, как *śhetiyavaṃdaka* (последователь секты Чегия, отколовшейся от *махасангхиков*) и *sutaṃtika* (последователь *саунтрантиков*, подразделение *сарвасативадинов*), могут быть отправным пунктом доказательства, что в это время уже существовало разделение на секты.

Властитель и двор в рассматриваемых надписях закладки почти не представлены. Во всех трех ступах до сих пор не найдено никаких относящихся к ним надписей, подобных тем, что, например, дошли от Икхаку, приемников Сатаваханов.

⁴⁴ Ср. Jataka II, 276 «rajugahaka»; также «Aśoka-Kalsi Edict», III, 7; «Dhaulti Rock Edict», III, 9 и др.; A. C. Woolner, Aśoka Text and Glossary, 2 pts, Calcutta, 1924, стр. 5.

⁴⁵ По L ü d e r s, № 381 — «всадник», санскр. aśvavāraka.

⁴⁶ L ü d e r s, № 346 — дар Анадды, сына Васитхи (Васиштхи), глава ремесленников (āvesanī) царя (rājan) Спри-Сатакани.

⁴⁷ Санскр. vaḍhakīnī, пали vaḍdhakīna; ср. также «Kārlē Buddhist Pillar Inscription» (EI, VII, № 6): L ü d e r s, № 1092.

⁴⁸ EI, II, № 21 (11), Tore I, № 200: Vedisakehi daṃtakārehi rūpakamām kataṃ «изображение на камне сделано резчиками по слоновой кости из Vidiśa».

⁴⁹ Санскр. sautrika.

⁵⁰ Санскр. rūpakara.

⁵¹ Санскр. karmika, karmakara (?) «рабочий», ср. «Kauṭīlīya Arthaśāstra. The Arthaśāstra of Kauṭīlya», ed. by R. S h a m a S a s t r i, Mysore, 1909, III, 13, 65 (далее — Kaut); ср. также L ü d e r s, № 350: «karaka».

⁵² Санскр. viśvakarma (?), может быть, со значением «работающий за плату»?

⁵³ Санскр. rakṣasa-vana-udāsa (?) «тот, который покинул (оставил) лес демонов»?.

⁵⁴ Относительно происхождения слова «уона» существует две версии — либо оно было заимствовано из персидского (так персы называли ионийцев), либо мы должны принять его как праkritизацию санскритского выражения «yavāna». Первоначально «уона» было, наверно, обозначением грека, однако очень скоро это понятие должно было распространиться на другие западные народности, с которыми соприкасались индийцы, и стало обозначать «иностранцев» вообще (подобно греческому «barbaros»). К этому ср. «Kārlē Buddhist Pillar Inscription», L ü d e r s, № 1093; «Junnar Buddhist Cave Inscriptions», L ü d e r s, №№ 1154, 1156 и 1156; EI, XVIII, №№ 36, 1, 4, 6, 7 и 10. О том, что эти уона часто были последователями индийских религиозных направлений, мы узнаем из «Besnagar Garuda-pillar Inscription», L ü d e r s, № 669: Heliodora (Heliodoros), сын Diya (Dion) из Takhasilaka (Takṣaśilā) приехал в качестве посла (yonad-ta) царя (mahārāja) Aṃtalikita (Antalkidas) к царю (rājan) Kāśīputa (Kāśīputra) Bhagrabhadra и воздвиг garuḍadhvaṅga в честь бога Vasudeva (Viṣṇu).

Обозначения *rāṇiyagharika*, *senagora*, *heraṇika*, *rājālipikara* и *rajuka* не являются лишь пустыми титулами, но представляют собой название должности, в противоположность многочисленным титулам надписей времени Иххаку, которые были определенно связаны только с рангом или с почетным званием, но не с соответствующими должностями. Значительная часть пожертвований происходит от людей, принадлежащих к верхним и средним слоям городского населения — от кушцов, торговцев и ремесленников (*setthi*, *vaṇij*, *avesani*). Некоторые из ремесленников точно указывают свою профессию — плотник, ткач, резчик по слоновой кости (*vaḍakina*, *soti*, *daṃtakāra*) и т. п.

Коллективные пожертвования Санчи/Бхархута особенно интересны, поскольку в других центрах буддийской храмовой и монастырской культуры они встречаются очень редко: *upāsikās* (Lüders, № 417 — *upāsikās* из Эджавати); *kula*⁵⁵ (№ 461 — подарок семьи (*kula*) Дхаму[гара]); № 549 (~ семьи Аджитигута); *gāma*⁵⁶ — деревни (№ 195 — Веджаджа; № 401 — [А]швавати; № 571 — Падукулика; № 625 — Чхум[ва]морагири); *pi-gama* — «город», «граждане», «купец», «рынок», «торговое местечко» (№ 705 (Бхархут) — *нигама* Карахаката).

Возьмем для сравнения несколько пещерных надписей. «*Kaṇheri Buddhist Cave Inscriptions*» (Lüders, № 995) — пожертвование цистерны, от *упасака* и *негама*⁵⁷ Самика из Сопарага; № 998 — посвящение пещеры, каменных скамей, одного сиденья и крестового хода (*śakama-Kreuzgang*) от *негамы* Дхамы... жителя Кальяны⁵⁸, вместе с денежным пожертвованием и несколькими постройками в одной *вихаре* (монастыре) Кальяны; № 1000 — посвящение пещеры от *негамы* Исипалы, сына *негамы* Чоланаки из Кальяны, вместе с полем в деревне (*gāma*) Сапхау; № 1001 — посвящение пещеры от *гахапати* и *негамы* ...ti сыном *негамы* Вепхунанди из Кальяны; № 1024 — посвящение пещеры и зала *упасаком* Апарепу, сыном *негамы* Анады из Кальяны, вместе с денежным даром и полем в деревне Магалатхана.

Эти посвящения имеют общие черты.

Речь идет о более крупных дарах, несомненно связанных со значительными расходами. Жертвователи должны были быть весьма состоятельными людьми. Они приходили из прибрежных городов Кальяна и Сопара. Значение термина *нигама* как «город» здесь исключено, остаются две другие возможности: *негама* значит либо «принадлежащий к гражданству», «полноправный гражданин города Кальяна», либо «купец». Р. Фик⁵⁹ рассматривает *негама* как горожан в противоположность *jānapada* — крестьянам, в то время как значение «купец» передается главным образом словом *setthi*. Оба города, Кальяна и Сопара, известны нам из «Перишлы Эритрейского моря». Неизвестный автор описывает также самые важные города Дакинабада (*Daksinapatha* = Декан): «52. А торговые центры здесь, по порядку после Баригады, это: Сушара, город Каллиена, ставший при Сарагане Старшем узаконенным торговым центром; но после

⁵⁵ Ср. F i s k, ук. соч., стр. 164 слл.

⁵⁶ Весьма сомнительно, что *гāма* в каждом случае означает деревню. Пожертвования, которые были бы сделаны всем населением одной деревни или одного города, очень редки. С одной стороны, надписи показывают, что буддизм имел сторонников не только среди зажиточных граждан, но также и среди низших слоев общества; с другой стороны, Г. Бюлер прав, отмечая, что совсем не следует понимать эти надписи так, как будто все население Веджаджа и Падукулика состояло из последователей-мирян. Несомненно, пожертвования исходили прежде всего от влиятельных лиц обеих местностей, ср. EI, II, № 7 (1); L ü d e r s, № 1142 (EI, VIII, №№ 8, 20): «Gift of the village (*gama*) of Dhambika of the Nāsikakas (the Nāsika people)».

⁵⁷ Санскр. *pi-gama*, пракр. *ne-gama*, *ne-kama*, *pu-gama* «город, рынок, торговый пункт; граждане, принадлежащие к торговцам или горожанам».

⁵⁸ *Kāliyaṇaka* «гражданин города Кальяны», санскр. *kalyāṇa*.

⁵⁹ F i s k, ук. соч., стр. 165—167.

того как им завладел Сандар, он стал очень небезопасным местом, и случайно попадающие в эти края греческие корабли приводят в Баригаду с охраной»⁶⁰. Suppara — это, очевидно, Sopara (Lüders, № 995), Calliepa — Кальяна.

Трудную проблему представляют собой дары так называемых *goṭhī*⁶¹. В Lüders, №№ 234 и 351 упоминается «*bodha — goṭhī*»⁶², в № 273 — «*barulamisā goṭhī*»⁶³. По Г. Бюлеру⁶⁴, *goṭhī* были «комитетами доверенных» при храме. Это объяснение оставляет многие вопросы открытыми. К сожалению, из надписей не видно, состояли ли эти «комитеты» из лиц духовного звания или из мирян; вероятнее последнее, поскольку в надписях указывается обычно не название монастыря, к которому они относятся, а та местность, из которой члены «комитета» происходят. Может быть, *gotxi* образовывались из числа уважаемых последователей-мирян, которые вели, например, светские дела какого-либо буддийского храма. Некоторые подтверждения того, что в связи с *gotxi* речь идет главным образом о комитетах из не-духовных лиц, дают Lüders №№ 1332 и 1335 — Bhattiprolu Stūpa Inscriptions. № 1335 сообщает о пожертвовании *gotxi*, к которому принадлежали сыновья⁶⁵ Шагатхинигамы⁶⁶ при царе Кхубираки; № 1333 допускает предположение, что и монахи могли принадлежать к *gotxi* — EI, II, № 25, 5⁶⁷: «*Goṭhisamaṇo Kubo*»⁶⁸ «Куба, монах (член) *gotxi*».

При ненадежности надписей Бхаттипролу и локализме надписей Санчи в отношении этого вопроса нам не представляется возможным осветить состав и функции *gotxi* в рассматриваемый период.

II. ПЕЩЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ (LENA-VIHĀRAS) ПРИ САТАВАХАНАХ

В каноне на пали имеются многочисленные упоминания о том, что «*urāsaka*» еще на заре буддизма не только обеспечивали буддийских монахов и монахинь пищей и одеждой, но и приготавливали для них убежища на сезон дождей⁶⁹. Сами *бликху* тоже часто устраивали себе примитивные жилища⁷⁰. Буддийская традиция единодушно сообщает, что во времени Ашоки уже существовали довольно крупные монастыри, например знаменитый Ашокарама в Паталипутре⁷¹. К сожалению, археология не в состоянии подкрепить утверждения палийских источников. Остатки столь

⁶⁰ «The Periplus of the Erythraean Sea», trans. by W. H. Schoff, N. Y. — L. и т. д., 1912, стр. 43.

⁶¹ Санскр. *goṭha* «собрание, общество, товарищество»; *goṭhapati* «предводитель собрания» ср. Lüders, № 53 — один *goṭhika* по имени Сура, который был металлом (Dhīkakaraka).

⁶² EI, II, № 7; Tore I, № 25: *Bodhagoṭhiya dhamavaḍhananā dānaṃ* «дар комитета Бодхи из Дхармавардханы».

⁶³ EI, II, № 7; Tore I, № 51: *Barulami[sāya] goṭhiya dāna [v]eldisāto* «дар комитета Баруламса из Видпши».

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Putānaṃ* — Gen. Pl.; «*puta*» здесь не обязательно надо понимать дословно, оно могло, по всей вероятности, значит «жилить, гражданин».

⁶⁶ Если *Shāgaṭhi* — название города, то *piḡama* следует перевести как «город», «местность» или же, если *piḡama* обозначает какую-то корпорацию, это, быть может, городской совет, которым руководил, как его глава (*rajarāmukha*), царь Кхубирака. Он же был главой (*ramukha*) *Shihagoṭhi*, от которого исходило пожертвование. Текст надписи, каким он до нас дошел, настолько труден и многозначен, что не позволяет ближе уточнить смысл; ср. EI, II, № 25, 3, 6.

⁶⁷ Ср. D. D. Kosambi, *Das Alte Indien*, B., 1969, стр. 223.

⁶⁸ Надпись на ящичке для реликвий.

⁶⁹ Санскр. *varṣa*, пали и пракр. *vassa* — сезон дождей, от середины июня до середины октября, во время которого буддийским монахам не разрешалось странствовать.

⁷⁰ Например, хижины из листьев или маленькие деревянные хижины.

⁷¹ «The Mahāvamsa», ed. by W. Geiger, L., 1908 (далее—Mhv.), Mhv V, 236.

ранних монастырских сооружений раскопками пока не обнаружены. От эпохи царствования Ашоки известны лишь остатки нескольких ступ. Сохранившиеся ступы в своей древнейшей части восходят ко II в. до н. э. Вероятно, из камня строились только сакральные сооружения, а остальная масса построек была деревянной. Если доньше еще не было найдено никаких монастырских построек столь раннего периода, это вовсе не потому, что строить монастыри начали только в более поздние века, но потому, что строили из недолговечного материала.

Буддийские монастыри обозначаются словами: *вихара*, *арама*, или *сангхарам*. Очень часто эти термины, как в буддийской литературе, так и в эпиграфике, четко не разграничены. Слово *вихара* сначала, по-видимому, имело значение прежде всего «убежище».

Будда говорит: «Anujāmi, bhikkhave pañcha leṇāni vihāraṃ addhayaogaṃ pāsadam hammiyaṃ guhaṇ ti» «Я разрешаю вам, о *бхикку*, пять мест для жилья: *вихара*, *аддхайога*, *пасада*, *хаммия* и *гуха*»⁷². *Вихара* обозначает убежище для одного или нескольких *бхикку* (Mv. III, 5, 13), *упасаки* строят для *бхикку вихары* (Cv. IV, 2, 1).

Арама, вероятно, когда-то обозначала лесок, рощу или парк.

Известны различные указания источников о том, что богатые придворные и горожане владели за городскими воротами такими лесочками с соответствующими постройками; царевич Джета из Саваттхи имел сад (ууāṇа), который у него купил последователь-мирянин Anathapiṇḍaka для того, чтобы сделать из него *араму* («...āgāmaṃ katuṇ ti») (Cv. VI, 4, 9). Цейлонский царь Тисса подарил миссионеру Махинде свой обнесенный стеной сад (ууāṇа) под названием «Mahāmeghavana», с прудами, царскими беседками и сторожевыми башнями у ворот. Махинда принял сад в дар, чтобы превратить его в *сангхараму* («...patiggaheṣi uyuṇaṃ saṃghāraṃmassa kāraṇā...») — Dv. XIII, 31⁷³), позже — Тиссарам. По Э. Ламотту⁷⁴, *вихара* почти всегда означает в древней литературе жилье, поселение или отдельное жилище для одного монаха. *Вихары* потом породили *сангхарамы*. Фергюссон различал три типа *вихары*: 1) отдельная келья как жилище для одного монаха — этот тип Фергюссон считает самым древним; 2) келья побольше, с широкой верандой; возможно, что в ней были еще перегородки; 3) келья видоизменена в зал с рядами столбов, к которому пристроены новые кельи⁷⁵; в таком случае весь этот комплекс называется *вихарой*, а отдельные кельи *паривенами* (Mv. VI, 36, 4).

Третий тип встречается чаще всего (ср. пещерные монастыри Декана, а также монастырские помещения Джаульяны, Мохры-Мораду (Таксила) и других монастырей Северо-Западной Индии кушанского и позднекушанского времени)⁷⁶. Однако не следует считать, что все вышеупомянутые сооружения типологически развивались по прямой линии. Прообраз третьего типа уже существовал задолго до возникновения первых монастырских комплексов. Дж. Маршалл раскопал в Бхита (недалеко от Аллахабада) так называемый «дом гильдии», который он отнес к периоду Маурья; он представлял собой открытый прямоугольный двор с 10 помещениями, расположенными по четырем его сторонам. Помещение В имело веранду.

⁷² «The Vinaya Piṭakam», ed. by H. Oldenberg. vol. II. The Cullavagga, L., 1880 (далее — Cv.); vol. I. The Mahāvagga, L., 1879 (далее — Mv.); ср. Mv. I, 30, 4; II, 8, 1.

⁷³ «The Dīpavaṃsa», ed. and transl. by H. Oldenberg, L., 1879 (далее — Dv.).

⁷⁴ Ук. соч., стр. 342.

⁷⁵ S. Dutt, Early Buddhist Monachism, L., 1960, стр. 100.

⁷⁶ Ср. J. Marshall, Excavations at Taxilā. The Stūpas and Monasteries at Jauliān. «Memoirs of the Archaeological Survey of India», (далее — MASI), № 7, 1921, стр. 15 слл.

«Сходство плана этого дома, так же как и других... с планом древнебуддийских монастырей — очевидно, и я думаю, можно считать бесспорным, что последние были копиями жилых домов этого типа»⁷⁷.

По мнению Х. Г. Франца, архитектурная форма монастыря развивалась в буддизме, так же как в христианстве, из подобной зародышевой кельи, «...из укрепленного дома-двора — основной жилой постройки во всей Западной и Центральной Азии... Жилой дом с высокими стенами, заключающими в себе кельи, строили древнейшие монашеские общины в пустынных местностях Египта и такую же форму принимают монастыри эпохи раннего буддизма. Отсюда сходство планировки христианского и буддийского монастыря, неизменно бросающееся в глаза при виде западно-европейского крестового хода, который развился из этого прототипа — оба восходят к типичному восточному дому»⁷⁸.

Очевидно, *вихарой* называлась постройка, большей частью жилище *бхикху*, *арамой* же, напротив, территория — парк или роща, в которых эти жилища находились. *Арама* заключала в себе *вихару*. На это указывает одна надпись кушанского времени («Kaniska Casket Inscription, Year 1» — СII, II, № LXXII, pl. XXV, 1⁷⁹: «Dasa Agisala na(na)vakar-mia [KA*]ne(ṇe)shkasa vihare Mahasena(ṇa)sa saṃgharame» «Даса Агисала есть *навакаммика* (тот, кому поручено следить за постройками и переделками монастырских зданий) в вихаре Канишки в Махасена — *сангхараме*). Согласно «Махавамсе» (XV, 197), цейлонский царь Деванампийтиса построил в Тиссараме для миссионера Махинды⁸⁰ знаменитый многоэтажный Loharāsāda «Медный дворец» (salakā-дом)⁸¹, трапецию и мн. др. В конце концов оба понятия стали синонимическими обозначениями всякого монастырского комплекса⁸². Разумеется, мы должны учитывать также временные и пространственные различия. В «Дипавамсе» — более ранней цейлонской хронике — преобладает понятие *арамы*, а в более поздней — «Махавамсе» — обозначение *вихара*. В кушанских надписях господствует термин *вихара*. Китайские паломники, напротив, обычно употребляют понятие, которое лучше всего передается термином *сангхарамы*.

Хотя до сих пор еще не найдено ни одной свободно стоящей монастырской постройки, относящейся к последним векам до нашей эры, мы имеем, однако, сравнительно ранние монастырские сооружения в виде *лена-вихар*⁸³. Естественные пещеры еще до возникновения буддийского монашества уже служили пристанищами для брахманских parivrajakas⁸⁴, они использовались и как убежища, и для культовых целей. В обоих случаях в равной мере имело значение одно и то же: «Буддизм не удовлетворялся здесь, правда, использованием естественных пещер, но расширял их, превращая в архитектурно оформленные помещения, прообразы которых следует искать в несохранившихся свободно стоящих храмах»⁸⁵.

⁷⁷ J. Marshall, Excavations at Bhita, «Archeological Survey of India, Annual Report (1911—12)», Calcutta, 1915 (далее — ASIAR), стр. 31.

⁷⁸ F r a n z, ук. соч., стр. 43.

⁷⁹ «Corpus Inscriptionum Indicarum» (CII). II. Inscriptions of the Indo-Scythians (Kharosthi Inscriptions), ed. by S. K o n o w (CII, vol. II, pt. I), Delhi, 1929.

⁸⁰ Махинда был, наверное, сыном царя Ашоки и считался первым буддийским проповедником на Цейлоне.

⁸¹ В монастырях часто выдавалось продовольствие из общего фонда отдельным монахам; эти выдачи производились обыкновенно посредством жетонов, удостоверяющих право на получение (salakā). «Дом *салаки*» — это здание, в котором производились раздачи.

⁸² S. F. K o e r p e n, Die Religion des Buddha und ihre Entstehung, B., 1906, стр. 378.

⁸³ Лена, санскр. layana «пещера, жилища пещера, пещерный монастырь».

⁸⁴ Санскр. parivraj «странник, пилигрим, аскет».

⁸⁵ F r a n z, ук. соч., стр. 26.

Первый эпиграфический материал о пожертвовании пещер относится к эпохе Маурья. В горах Барабар около Бодх-Гая в южном Бихаре сохранились несколько очень древних пещер⁸⁶, в том числе пещеры Sudana и Lomaṣa-Rṣi, которые служили культовыми местами еще в добуддийское время⁸⁷. «Пещера Ломас-Риши возникла предположительно в эпоху Маурья, так как внутри она имеет блестящую каменную полировку этого времени, а снаружи надпись на скалах указывает на жертвоприношение, посредством которого Ашока передал эту пещеру в собственность секте *адживиков*»⁸⁸. В надписях Ашоки видна религиозная терпимость, но вместе с тем и сильная привязанность к буддизму. Не исключено, что Ашока дарил пещеры также и буддийской *сангхе*. Дашаратха, внук Ашоки, таким же образом жертвовал пещеры секте *адживиков* и велел письменно подтвердить этот дар⁸⁹. Тогда как у Ашоки речь идет о пожертвовании культовой пещеры, подаренные Дашаратхой пещеры предназначались для монахов-*адживиков* в качестве жилья⁹⁰.

Другая группа ранних пещер находится в горах Удаягири и Кандагири в Ориссе; здесь и культовые пещеры, и *вихары* — жилые пещеры, самые древние из известных нам построек джайнизма⁹¹. Джайнизм процветал в Калинге (нынешняя Орисса) при династии Чеди или Мехавана, самым значительным представителем которой был Кхаравела⁹². Жилые пещеры в Удаягири расположены в один-два этажа, перед ними есть дворы с высеченными столбами. «Одна из самых ранних пещер — это двухъярусная Ранигумпха в Удаягири; ее помещения расположены по трем сторонам двора, открытого с четвертой стороны. За открытыми колонными дворами находятся жилые кельи аскетов...»⁹³. Самая знаменитая надпись из Удаягири — это надпись Кхаравелы в Хатхигумпхе (EI, XX, № 7; Lüders, № 1345). Кхаравела из династии Чеди был властителем Калинги (Орисса). Его надпись проникнута той же терпимостью, что эдикты Ашоки. Калинга была не только оплотом джайнизма, но судя по надписи из Хатхигумпхи, наряду с ним там существовали и другие религиозные направления. Кхаравела называет самого себя в строке 17 *sava-pāsaṃḍa-pūjako sava-deḥvaṃ[ā]tanasaṃkhaṅga-kāraṅko*⁹⁴. Он делал подарки джайнским монахам, проводившим сезон дождей в горах Кумари⁹⁵ (сткк. 14 и 15), однако жаловал привилегии и брахманам⁹⁶. Большинство прочих надписей

⁸⁶ Семь пещер в скалах, четыре принадлежат к барабарской группе, три к группе Нагарджуни.

⁸⁷ Franke, ук. соч., стр. 49.

⁸⁸ Там же; также Wolpert, ук. соч., стр. 52 («Cave Dedications of Aśoka — Barabar»); В Lajjā Piyadasiṇa dūvadasaṃśāsitaṇa iyaṃ kubhā Kḥalatika-pavataṣi dīna Ajīvikehi «Эта пещера на горе Кхалатика передана *адживикам* и царем Приядаршином в 12 году (после посвящения в царя)».

⁸⁹ Три пещеры из группы Нагарджуни: Vahiyakā kubhā, Gopikā kubhā, Vadathikā kubhā.

⁹⁰ «Gopikā kubhā Daśalathenā devaṇaṃ piyaṇā ānaṅtaliyaṇ abhiṣitenā ajīvike[hi] [chadaṃ]tehi vaṣaṇi[ṣi]diyāye niṣiṭha acamaḍaṣūliyaṇ (Wolpert, ук. соч., стр. 52, «Cave Dedications of Daśaratha»). Пещера Гопика точно определялась как место пребывания во время дождей».

⁹¹ Религиозное направление, основанное Махавирой Джинной, которое длительное время считалось идеальным буддизмом.

⁹² И в. до н. э.

⁹³ Franke, ук. соч., стр. 54 сл.

⁹⁴ «Почитатель любой *pāsāda*, который ремонтирует храмы любого типа».

⁹⁵ Надпись Кхаравелы отражает подобную же терпимость, которая проявляется уже в надписях Ашоки.

⁹⁶ Стк. 9 «... Vaṃḥanaṇaṃ jatiṃ pariḥaraṃ daḍāti...» «он дал брахманам землю, свободную от обложения (или даже: освободил ее от налогов). Интересен здесь термин «*pariḥara*»; он означает: «чрезвычайное соизволение, освобождение от налогов, пожалование привилегий, иммунитетов». По Kauṣ 11, 1, 19; 16, 34, «*pariḥara*» означает освобождение от налогов, а также привилегии вообще. В надписях «великих

сей сообщает о пожертвованиях пещер членами царского дома и частными лицами.

1. Удаягири:

Lüders, №№ 1346 — пожертвование двухъярусной пещеры для саманов (шраманов) из Калинги от имени главной супруги Кхаравелы⁹⁷; 1347 — пещера Кудепа-Сири, благородного царя из династии Махамегхавахана, верховного владыки Калинги; 1348 — пещера царевича Вадукхи; 1351 — пещера Бхути (pagara akhadamsa)⁹⁸; 1352 — пещера Накийи, жены Махамеды.

2. Кхандагири:

Lüders, № 1344 — пещера pādamulika Кусумы⁹⁹; EI, XIII, № 13, 11 — пещера (для?) саманов из Дохады; пожертвование *пасада*¹⁰⁰: Lüders, № 1350 — *пасада* Каммы и Халакшины; 1353 — *пасада* и *котхадже*(я) Чухулакраны¹⁰¹.

Эти пещеры были, вероятно, подарены джайнским монахам, о чем как будто свидетельствует надпись (EI, XIII, № 13, 11), так как название *самана* (samana) используется в эпиграфике, как правило, для обозначения джайнских монахов, а буддийские монахи чаще всего обозначаются словом *бхикку* (пали — bhikkhu; пракр. — bhikku).

Возраст раннебуддийских пещер оспаривается. Археология датирует некоторые из этих групп приблизительно II в. до н. э. — пещеры Бхаджа, Бедса, Кондане, Куда, древнейшие Карле и Насик. В соответствии с новейшими исследованиями, эта дата должна быть понижена. Буддийские пещеры относятся, скорее, к периподам Шака-Пахлавов и Сатаваханов.

«...Первые буддийские сооружения в скалах как будто не уходят в прошлое глубже, чем к последним десятилетиям до н. э. Буддисты высекли гроты в течение более семи веков, с 50 г. до н. э. до 700 г. н. э.»¹⁰².

Большинство буддийских пещерных помещений находятся в Западных Гхатах. Благоприятные природные условия не могли быть единственной причиной подобного скопления пещерных монастырей в этом районе Декана. Немаловажную роль здесь, конечно, сыграла династия Сатаваханов (около 200 г. до н. э. — 200 г. н. э.), цари которой, в особенности Готамипута Сатакани и Васитхипута Пулумаи, были покровителями буддийской монастырской культуры¹⁰³.

Пещеры Гхат можно разделить на два типа: 1) *четьи*¹⁰⁴; 2) *вихары*. *Четьи* — культовые пещеры, и здесь мы их подробно рассматривать не будем. Нам интересуют прежде всего второй тип пещер — *вихары*. Они

царей) Сатаваханов на стенах пещерных монастырей в западных Гхатах «parihāra» встречается нам прежде всего как «bhikkuhalaparihāra», т. е. привилегии, касающиеся земель монахов. Возможно, что сначала «parihāra» было terminus technicus для привилегий землям, подаренным брахманам. Позже это понятие перенесли также на угодия, подаренные буддийским монастырям.

⁹⁷ Текст этих и всех следующих надписей приводится по R. D. Banerji, Inscriptions in the Udayagiri and Khandagiri Caves (Orissa, EI, XIII, № 13; В. М. Вагуа, Minor Old Brahmi Inscriptions in the Udayagiri and Khandagiri Caves, «Indian Historical Quarterly», XIV, 1938, 1, стр. 158 слл.

⁹⁸ По Banerji, ук. соч., № 13, «town-judge».

⁹⁹ По Вагуа, ук. соч., стр. 165, «personal attendant»; по Lüders, № 1344, «servant».

¹⁰⁰ Здесь, возможно, пещерный храм: по Вагуа, ук. соч., стр. 165, «cave of the recluses».

¹⁰¹ По Banerji, ук. соч., № 13 — «unsurpassable chamber»; по Вагуа, ук. соч., стр. 162 — «impregnable inner chamber».

¹⁰² Lamotte, ук. соч., стр. 555.

¹⁰³ Ср. Franz, ук. соч., стр. 43 слл.

¹⁰⁴ Санскр. caitiayagṛha, пали cetiyaḡhara.

копируют прямоугольное расположение зданий¹⁰⁵, соорудившихся на поверхности. Однако имеются пещерные *вихары* и апсидальной формы, например, в Бедсе¹⁰⁶. В целом *лена-вихары* имеют следующую схему: 1) передний колонный двор, 2) большой центральный двор (более древние — без опорных колонн, более поздние — с рядами колонн), 3) отдельные кельи, группирующиеся вдоль стен центрального двора, часто с одной или двумя каменными скамьями¹⁰⁷.

К древнейшим группам принадлежат пещеры Бхаджи, Карадха, Кондана, Питалакхоры, ранние пещеры Аджанты¹⁰⁸, Куды и Нанахгата. Развитой тип представлен пещерами Джуннара, Бедсы, Кола, Карле, Насика и Канхери, однако любая группа включает пещеры как древние, так и позднего типа¹⁰⁹.

Самые древние буддийские пещеры по всему своему устройству: малым размерам, очень простому архитектурному оформлению (особенно фасада), небольшому числу составных частей, отсутствию опорных столбов и культовых изображений — еще совсем примитивны. Такому характеру соответствуют также и ранние надписи, сохранившиеся на стенах этих пещер — лаконически-краткие, неясные и большей частью не указывающие на социальное положение жертвователя. Датировки и стереотипные формулы почти всегда отсутствуют¹¹⁰. Конечно, это вовсе не значит, что формулы для надписей не были тогда еще известны, ведь уже надписи Ашоки имеют определенную схему и зачатки стереотипных формул, например, вводные слова различных эдиктов: «devanam priye Priyadraṣi raja evaṃ aha»¹¹¹ (Mānsehrā Rock Edict V и др.). В древний период в большинстве случаев только царские надписи отличались устойчивой схемой, например, надписи Шунгов и ранних Сатаваханов. Нецарские надписи, например, богатых кушцов и торговцев, лишь несколько позже стали подражать форме царских. Это наблюдается особенно при Кушанах.

При Сатаваханах же частные надписи длительное время остаются почти бесформенными. Понятие «царские надписи» понимается в широком смысле, под ними подразумеваются также надписи членов царского дома, высших сановников, царских вассалов и др., подражавших стилю царских канцелярий. Цари династии Сатаваханов развили в Декане свой собственный стиль, повлиявший и на составителей вотивных религиозных надписей. «...можно доказать, что древние (официальные. — М. Н.) надписи уже содержат большую часть элементов формул, которые впоследствии соединились, чтобы создать в высшей степени изысканную форму композиции средневековых вотивных текстов»¹¹².

Средневековые надписи поздних династий Декана имеют своих предшественников в надписях «великих царей» династии Сатаваханов II в.

¹⁰⁵ F r a n z, ук. соч., стр. 43. Франц считает, что пещеры *четья* и *вихары* копируют более древние сооружения на поверхности, которые были, возможно, построены из дерева.

¹⁰⁶ Там же, стр. 46, рис. 28.

¹⁰⁷ И в этом также обнаруживается характер этих келий как пристанища для буддийских монахов.

¹⁰⁸ Пещеры №№ 8, 9, 10, 12, 13 (L a m o t t e, ук. соч., стр. 559) все принадлежат к *гиньяне*.

¹⁰⁹ О приблизительной датировке пещерных комплексов в хронологическом порядке см. там же, стр. 554 слл. и М. А. М e h e n d a l e, Historical Grammar of Inscriptional Prakrits, Poona, 1948, стр. XV слл.

¹¹⁰ Широкое распространение формулы получают только в средневековых индийских надписях.

¹¹¹ W o o l n e r, ук. соч., стр. 8.

¹¹² A. V. N a i k, Inscriptions of the Deccan, an Epigraphical Survey (ca. 300 B.C. — 1300 A. D.), «Bulletin of the Deccan College Research Institute», IX, 1—2, Poona, 1948, стр. 27.

н. э. Самое употребительное обозначение пещеры — «лепа»¹¹³. В изученном нами материале словом lepa обозначается жилая пещера, в большинстве случаев весь комплекс такой пещеры — большой центральный двор с кельями по стенам. Культовые пещеры всегда обозначаются как тако-
вые¹¹⁴. Синоним lepa — selaghara¹¹⁵.

К понятию lepa добавляются уточняющие эпитеты: bigabha lepa (пещера с двумя кельями) — Джуннар (Lüders, № 1169), Канхери (Lüders, № 998); satugabha lepa (пещера с четырьмя кельями) — Насик (Lüders, № 1127); pañcagabha lepa (пещера с пятью кельями) — Джуннар (Lüders, № 1157); satagabha lepa (пещера с семью кельями) — Джуннар (Lüders, № 1180); navagabha lepa (пещера с девятью кельями) — Карле (Lüders, № 1106). В тех случаях, когда в дар даются отдельные кельи, они почти всегда называются как таковые — ovaraka, uvaraka, puaraka (например, Канхери, Lüders, №№ 968, 988 и 1018).

В большинстве случаев одновременно с монастырями или отдельными кельями в дар передавались водоемы или колодцы, что составляло важнейшую часть обеспечения монахов, живших в горных монастырях. Для цистерн и колодцев существует целый ряд различных обозначений, что объясняется, видимо, жизненной важностью этих объектов, а не только различием диалектов; многие из них просто синонимы. Самое употребительное обозначение цистерны — roḍhī и его производные: roḍhī (Lüders, №№ 995, 996, 1000, 1007, 1013, 1014, 1039, 1041, 1049 и др.); pañiyaroḍhī (цистерна для воды — №№ 998, 1006, 1016, 1018, 1020); sañānaroḍhī (пруд для купания — № 1056); paniyaka (№ 986); pañiyabhājana (№ 994 — санскритское слово); taḍāga, taḍāgāni (№ 1186); hrada (№ 963).

Колодцы: pañiyaruvā (№ 1120); vāpi (EI, XXXIV, № 39); kūpa (EI, XVI, № 16).

Пруд, а также резервуар: pukharinī (Lüders, № 907).

Предметом исследования должен быть прежде всего социальный состав жертвователей пещерных монастырей. Картина общественных слоев, служивших главной поддержкой буддизма, отраженная в эпиграфике, не отличающаяся в общем от картины, вырисовывающейся по источникам на пали, но все же между надписями на ступах (Санчи, Бхархута и Амаравати) и пещерными надписями Западных Гхат имеются некоторые различия.

Духовные лица:

pavajīta — Канхери (Lüders, №№ 999, 1016); bhikhunī — Канхери (Lüders, № 1014); pavayitika — Канхери (Lüders, №№ 1006 и 1020); pavayitā — Кўда (Lüders, №№ 1041 и 1060); pavaitika — Насик (Lüders, № 1128) и Шайларвади (EI, XXVIII, № 14, 2); atevāsinī — Канхери (Lüders, №№ 1006 и 1020); Кўда (Lüders, №№ 1041, 1020 и 1060); Карле (Lüders, № 1107); Насик (Lüders, № 1128); Шайларвади (EI, XXVIII, № 14, 2).

Миряне:

upāsaka — Канхери (Lüders, № 995), — Коль (№ 1076), — Карле (№ 1106); upāsikā — Насик (№ 1145); gahapati — Кўда (№ 1056), —

¹¹³ Не только при Сатаваханах. В одной цейлонской надписи царь Деванапиа-Тиса-Абхайя подарил «Catu diśa saga» одну пещеру (lepa) «Ritigala (Ceylon) Cave Inscription — ca. first century B. C.», Chatterji and Sen, ук. соч., стр. 9.

¹¹⁴ Cetiya, cetiyaghara, cetiyakodhi.

¹¹⁵ Санскр. śāila-gṛha «каменный (скальный) дом». В пещерных надписях Ашоки и Дашарахти стоит kubha, санскр. kūpa «пещера». Пещеры с верхним этажом в горах Удаягири и Кхандагири обозначаются как «rasada» понятие, которое в каноне на пали употребляется для обозначения многоэтажных зданий на поверхности.

Нанагхат (№ 1120), — Джуннар (№ 1153 — *gahapatimugha*)¹¹⁶; *kutumbika* (домохозяин) — Насик (№ 1147)¹¹⁷; *kutumbinī* (домохозяйка) — Насик (№№ 1127 и 1132); *rājan* (царь, князь) — Пабхоса (№ 905 — сын ~), — Насик (№ 1131 — Ушавадата, зять раджи рода Кшахаратов Кшатрапа Нахана); *mahādevī* (главная жена царя) — Насик (№ 1123); *mahābojī*, *mahābojī*, *mahābhuvī*¹¹⁸ — Канхери (№ 1021 — дочь *mahābhōjī*) — Кудда (№ 1054 — дочь *mahābhōja*) — Бедса (№ 1111 — дочь *mahābhōja*, «*Banavāsī Stone Inscription*», Lüders, № 1186; *mahābhuvī* — дочь махараджи); *bhōigī*¹¹⁹ — Канхери (№ 1013); *mahārathi*, *mahārathinī* (князь, княгиня; дворянский титул)¹²⁰ — Канхери (№ 1021 — *mahārathinī*), Бхаджа (№ 1079 — *mahārathi*), Бедса (№ 1111 — *mahārathinī*); *rājamacha* (царский министр)¹²¹ — Кудда (№ 1053 — дочь ~); *amātya* (министр)¹²² — Канхери (№ 994); *mahāmāta*¹²³ — Насик (№ 1144); *mahādanāyaka*¹²⁴ — «*Sāñchī Inscription of Svāmin Jivadāman*», EI, XVI, № 16; *mahāsenāpatinī*¹²⁵ — Насик (№ 1146); *senāpati* (военачальник) — «*Gūnda Stone Inscription*», № 963; *sāgarapaloganās*¹²⁶ —

¹¹⁶ Вирасенака, один *dhammanigama*, пожертвовал *setiyaghara* (Lüders, № 1153, переводит «*rious hamlet*»; быть может, *dhammanigama* — также почетное звание Вирасенаки, «благочестивый или заслуженный горожанин», а *gahapatimugha*, возможно, «глава отцов семейства»).

¹¹⁷ Санскр. *kuṭumba* «домохозяйство, челядь, фамилия»; *kuṭumbin* «хозяин дома, домохозяин, отец семейства, слуга дома»; *kuṭumbinī* «хозяйка дома, служанка дома». В изученных здесь надписях речь идет о хозяевах дома, т. е. о представителях семьи и их женах. *Kuṭumbin*'ы большей частью указывают в надписях свое социальное положение: Lüders, № 1127 — *kuṭumbinī* Нандасири, жена *gahapati* и *puṅgama* Вира; Lüders, № 1132 — *kuṭumbinī* Дакхамитра, дочь раджи из Кшахаратов Кшатрапа Нахана, жена Ушавадаты; Lüders, № 1147 — *kuṭumbika* Дханам. *Kuṭumbika*, по-видимому, праkritское *kuṭumbin*. Нет никаких оснований считать, что *Dhanama* был «домашним рабом» (в санскрите *кутумбин* может иметь значение «раб»).

¹¹⁸ Высокое звание, титул зависимого князя.

¹¹⁹ Санскр. *bhōginī* «супруга царя» (в браке без религиозного обряда), а также конкубин.

¹²⁰ Санскр. *mahāratha* «великий воин», герой на войне; здесь «царь, придворный».

¹²¹ Санскр. *rājamātya* — высший царский чиновник.

¹²² Санскр. соответствие праkrit. *amācha*.

¹²³ Санскр. *mahāmātra* — важный чиновник (здесь царя Канха из династии Сатаваханов), ср. *mahāmāta* Ашоки, например, «*Jaugada Separate Edict*», I, 11; II, 1: «*Dhauri Separate Edict*», I, 1, 25; II, 1, 9 и др.: W o o l e r, ук. соч., стр. 23—29; Kaut., I, 10, 6.

¹²⁴ Верховный судья или также начальник полицейской службы, и ср. Kaut., VI, 1, 96.

¹²⁵ Супруга военачальника, главнокомандующего войсками, может быть Готамипуты-Сами-Сирияны-Сатакани; *senapati* — обозначение более низкого воинского ранга.

¹²⁶ Санскр. *sāgarapalokanām* (gen. pl.) — «*Archaeological Survey of Western India*», vol. V, № 23: *Siddham theranam bhayata Mitabhutinam lenam sagarapaloganās*. В. M u k h e r j e e, *On the Interpretation of a Word in a Kanheri Inscription*. «*Proceedings of the Indian History Congress*», Calcutta, 1961, стр. 55—57, сравнивает встречающихся в «Перипле» «*basilikoi aleis*» с этими *sāgarapaloganām*'ами и обозначает их как «*sea-observers*» «По описанию в Перипле мы можем установить обязанности и функции *aleis*, т. е. „людей, объезжающих море“. Из этого описания мы получаем следующие сведения. Залив Баригазы был очень узким и труднодоступным со стороны океана. И даже если проход в залив завершался благополучно, устье реки (*Nammados. Narmada*) близ Баригазы можно было найти лишь с большим трудом, так как берег был очень низкий, и его нельзя было заметить до тех пор, пока не подойдешь почти вплотную. Для того чтобы устранить эти неудобства для мореплавателей, царь обычно использовал „людей, объезжающих море“. Эти люди должны были в своих больших лодках, называемых *Tarraga* и *Sotumba*, идти вверх вдоль берега вплоть до *Сираштвене* (*Surashtra*) и пилотировать оттуда суда до Баригазы» (ук. соч., стр. 56). «Из индийского термина выясняется далее, что одной из их главных обязанностей было осуществление пристального и исчерпывающего наблюдения за морем как с целью эффективного и надежного провозждения судов в порт, так и для охраны морских путей. По-видимому, *сагаралогааны* могли быть также военачальниками, средни так называемым *aleis*, обязанностью которых были надзор и охрана морских путей» (там же, стр. 57).

Канхери (№ 1012); urajīvinā¹²⁷ — Куда (№ 1045); sethi (купец) — Куда (№№ 1056 и 1063), — Махад (№ 1073 — сын~), — Кол (№ 1075), — Карле (№ 1087); seni (гильдия)¹²⁸ — Джушнар (№ 1180); nigama (negama, nekama, puegama)¹²⁹ — Канхери (№№ 987, 998, 1000, 1001 и 1024), — Куда (№ 1059), — Насик (№ 1127), — Джушнар (№ 1153); vanij — Аджанга (№ 1198); heranika (золотых дел мастер)¹³⁰ — Джушнар (№ 1179 — сын~), — Канхери (№ 996 — сын~), suvanakāra¹³¹ — Канхери (№ 986), — Джушнар (№ 1177); manikara (ювелир)¹³² — Канхери (№ 1005); veja (врач)¹³³ — Куда (№ 1048); — Питалакхора (№ 1191 — rājaveja¹⁻³, № 1192 — дочь~, № 1193 — сын~); sathavaha (предводитель каравана)¹³⁴ — Куда (№ 1062, № 1065 — жена~, № 1066 — сын~); lekha (писец) — Куда (№ 1037); Насик (№№ 1148 и 1149); lohavanīyū¹³⁵ — Куда (№ 1055); malākāra (садовник) — Куда (№ 1051); dāsaka (рыбак) — Насик (№ 1129); gamikiya¹³⁶ — Кол (№ 1077); hālakiya¹³⁷ — Сайларвади (№ 1121); yona (yonaka, yavana)¹³⁸ — Насик № 1140); Джушнар (№№ 1154, 1156 и 1182); saka¹³⁹ — Насик (№№ 1140, 1148, 1149); baṁmaṁī¹⁴⁰ — Куда (№ 1050).

Этот анализ охватывает только те надписи, в которых сообщается о пожертвованиях пещерных монастырей (вместе с их принадлежностями — фсадатами, каменными скамьями, опорными столбами и пр.), а также колодцами и водоемами при этих монастырях, обозначавшихся словами lepa, rodhī и производными от этих слов.

¹²⁷ Санскр. urajīvin «получающий средства к существованию от ...», «полностью зависящий от ...»; L ü d e r s, №№ 1037 и 1045 связаны по содержанию. В № 1037 писец (lekha) [царя] (mahabhoja) Мандави Кханданалиги, сына mahabhoji Садагерп Виджайп, пожертвовал пещерный монастырь (lepa vihāra). Его родители, Суласадата и Утарадата, указаны в № 1045 как «urajīvin'ы» вышеупомянутого mahabhoja, см. «Archaeological Survey of Western India», vol. IV, № 6. Название «urajīvin» в данном случае многозначно. Речь может идти о лично зависимых людях, принадлежавших ко двору mahabhoja. De facto они несомненно зависели от царей, но были ли они также зависимыми de jure, установить невозможно. Здесь, быть может, urajīvin употреблено лишь как выражение подобострастия.

¹²⁸ Dharmīkaseni «сени (пех) торговцев зерном».

¹²⁹ Ср. прим. 57.

¹³⁰ Санскр. hiraṇyakāra «золотых дел мастер»; suvanakāra — синоним этого слова, ср. L ü d e r s, № 74 (Mathura) — hairanyaka, № 95 (Mathura) — sovanika.

¹³¹ Синоним heranika.

¹³² Санскр. manikāra, ср. L ü d e r s, № 29 (Mathura).

¹³³ Rājaveja «царский врач», быть может «лейб-медик».

¹³⁴ Санскр. sathavaha «предводитель каравана», «торговец каравана»; В. N. P u r i, Some Aspects of Economic Life in the Kuṣāṇa Period, «Indian Culture», XXII, 1945/46, стр. 84: «По-видимому, торговцы ехали все вместе под руководством предводителя, показывавшего дорогу. Такое путешествие компаний могло предприниматься ради безопасности в пути... Обязанности этого предводителя, должно быть, состояли в распоряжении относительно остановок, водопоя, предосторожностей против грабителей и т. п.». Ср. также L ü d e r s, № 30 (Mathura) — sathavahinī, жена sathavaha; Kauf. II, 34, 52 и 53; V, 1, 89.

¹³⁵ Санскр. lohavāra, lohakāra «торговец железным товаром», а также просто кузнец (P u r i, ук. соч., стр. 83); ср. также L ü d e r s, № 53 (Mathura) — lohikakaraka «работник по металлу», № 54 (Mathura) — lohikakaruka — то же, № 29 (Mathura) — lohavanīya «торговец железом».

¹³⁶ Санскр. grāmikiya (?) «сельский житель»; ср. также L ü d e r s, № 48 (Mathura) — grāmika «житель деревни, крестьянин».

¹³⁷ От hala «плуг», вероятно, «сахарь».

¹³⁸ См. прим. 54.

¹³⁹ Скиф.

¹⁴⁰ Санскр. brahmanī; «Archaeological Survey of Western India», vol. IV, № 13: Ayitilū upāsakasa Baṁmhanasa bhayaya Bhayilaya Baṁmaniya chetiyaḥaro deya-dhāṁṁam. Здесь, наверно, имеется в виду «принадлежащая к касте брахманов», но не жена брахмана как жреца. Даже в самой литературе дхармашастры мы слышим о всевозможных профессиях, которыми занимались брахманы. Джатаки содержат много примеров знакомства брахманского сословия с буддизмом (прежде всего в качестве *упасаков*), что не мешало им оставаться брахманами.

Жертвователей духовного звания, засвидетельствованных в этих надписях, меньше, чем в надписях на ступах, но характеристика пожертвований ступам, приведенная выше, подходит также и к жертвованиям духовных лиц пещерным монастырям. Среди проанализированных здесь эпиграфических свидетельств мы имеем дело преимущественно с надписями об основании пещерных монастырей, следовательно, об объектах, требующих больших денежных средств. Социальное положение жертвователей соответствует этому. Мы встречаем здесь надписи царей, их жен, царевичей, знати, высших сановников, богатых купцов и торговцев. Среди царских надписей имеется ряд актов самих «великих царей» Сатаваханов об основании ими монастырей и снабжение последних, а также надписи, датированные годами правления царей Готамипуты Сатакани и Васетхицуты Пулумаи из династии Сатаваханов. Большинство монастырей в Западных Гхатах основано в период расцвета государства Сатаваханов.

Пещерные *вихары* не следует, пожалуй, рассматривать как связующее звено между ранними примитивными жилищами мохов и построенными на поверхности монастырями южного Декана (в районе рек Кришны и Годавари) и в северной Индии (район Гандхары); они были скорее особой формой монастырской архитектуры, возможной только в тех частях страны, где существовали соответствующие естественные условия. Они никогда не развивались в крупные монастыри: во-первых, их расширению были поставлены естественные пределы, во-вторых, пещерные *вихары*, в противоположность стоящим на поверхности храмам южного Декана и северной Индии, потеряли свое значение в связи с перемещениями политического центра государства Сатаваханов на юг, а также с постоянными набегами сакских и кушанских сатрапов на эту область.

Вдоль западного побережья Индии тянется целая цепь открытых раскопками торговых центров. В течение двух первых столетий нашей эры здесь существовали такие богатые торговые города, как Бхарукачча, Сопара, Кальяна, Чхампавати и многие другие, упоминающиеся в «Перипле»¹⁴¹, которые были обязаны своим существованием морской торговле с Западом. В городах побережья значительный слой населения составляли богатые купцы и торговцы; они были часто организованы в *сепи* (подобно гильдиям пемецкого средневековья), которые со своей стороны располагали значительной силой и большим влиянием в области экономики и политики. Собственно они и были носителями буддизма, мирскими приверженцами буддийской *сангхи*. Ортодоксальная религия брахманизма с ее жесткой общественной системой встречала мало сочувствия в их среде, потому что торгово-купеческий слой пополнял свои ряды из всех классов и прослоек общества, а не только из привилегированной в брахманской социальной системе варны брахманов. Буддизм (однако не поздний) отрицал до известной степени систему варн, защищаемую брахманской ортодоксией. Как из литературы, так и из эпиграфических источников выясняется, что в течение веков преобладания буддизма деление общества на варны имело значение лишь в религиозном, но не в экономическом отношении. Именно богатым купцам и торговцам западных прибрежных городов обязаны своим возникновением многочисленные буддийские пещерные *вихары*, высеченные и художественно оформленные в скалах Гхата; им же главным образом обязана своим расцветом буддийская монастырская культура в Декане.

¹⁴¹ Определить точное географическое положение этих древних торговых городов в большинстве случаев оказывается невозможным.

III. БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ И КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ ПРИ ИКШАКУ (ИКШВАКУ) — ПРЕЕМНИКАХ САТАВАХАНОВ В ЮЖНОМ ДЕКАНЕ

В противоположность обилию буддийских скальных монастырей в западном Декане, буддийские постройки того же времени в Центральной Индии почти полностью отсутствуют¹⁴². Там, где имеются горы с многочисленными гротами и пещерами, навряд ли следует ожидать развития строительства культовых зданий, свободно стоящих на поверхности.

Центры знаменитой буддийской монастырской архитектуры Индии находятся на северо-западе, особенно в районе Гандхары, а также на юго-востоке Декана, в районе между реками Кришна и Годавари. Судя по эпиграфическому материалу, расцвет пещерных монастырей в Декане падает на первые два века нашей эры. Подавляющая часть надписей относится к этому времени. Буддийская строительная деятельность в западных Гхатах продолжалась до VII в. н. э., все же после III в. число буддийских дарственных надписей явно уменьшается. Бросается в глаза, что после середины II в. почти уже не встречаются надписи о пожертвованиях пещер — *вихар* и *четья*; в большинстве из них говорится лишь о содержании и ремонте *вихар*, о снабжении живущих в них монахов и о пожертвованиях мелких даров — культовых изображений, ламп и т. п. Разумеется, немаловажную роль тут сыграли политические беспорядки. Сатаваханы, щедрые покровители буддизма, были вынуждены в конце концов из-за постоянных войн со скифскими Кшатрапами из рода Кшахарата и вследствие распространения на юг владычества Кушан, оставить свою столицу Пратиштхану и перевести свое государство в юго-восточную Андхрадешу, основав там новую столицу Дханьякатаку¹⁴³. Северо-западный Декан подпал надолго под власть династии Кшатрапов, которая была основана Чаштаной в последней четверти I в. н. э. Кшатрапы из рода Кшахарата, так же как Сатаваханы, которым они порой подчинялись, были поборниками буддизма, но не располагали такими средствами и возможностями, как могущественные цари династии Андхра. Число надписей Кшатрапов из рода Кшахарата невелико, они касаются снабжения существующих пещерных монастырей колодцами или цистернами, садами и полями. Разумеется, следует учитывать и общие тенденции развития буддизма. Поддерживаемый государством и представителями высших и средних городских сословий, буддизм все больше и больше распространялся в Декане. Количество *бхикку* росло. Благодаря бесчисленным пожертвованиям недвижимости (зданий, земель), денежным вкладам и доходным местам, где взимались налоги, буддийская *сангха* пришла к богатству и власти (быть может, следует скорей говорить о ряде буддийских общин разных направлений). Все это, конечно, находило отражение в размерах буддийских монастырей: если возможности расширения пещерных монастырей были ограничены, то постройки могли разрастаться в целые монастырские комплексы с тысячами обитателей.

Расположенная на юге империя Сатаваханов уже не могла достичь экономического и политического значения империи, образовавшейся на северо-западе. К середине III в. династия Сатаваханов по еще неизвестным причинам пала, империя распалась на много мелких царств, которы-

¹⁴² Франц (F r a n z, ук. соч., стр. 44) пытается объяснить этот факт недостаточным размахом раскопок или тем, что свободные сооружения строились большей частью из недолговечных материалов.

¹⁴³ Дханьякатака расположена поблизости от Амаравати; по мнению Э. Ламотта (ук. соч., стр. 583), упоминающаяся в надписях Mahacetiya в Дханьякатаке тождественна с большой ступой в Амаравати.

ми управляли многочисленными династиями преемников Сатаваханов. Лишь около ста лет продержалась династия Икхаку, создавшая небольшое царство на юго-востоке с центром в Нагарджуниконде. Икхаку правили в очень небольшой части Андхрадеши. Нагарджуниконда, столица династии Икхаку¹⁴⁴, местных преемников Сатаваханов, хранит в себе ценные остатки буддийских культовых сооружений и монастырей, представляющих собой позднюю фазу буддийского архитектурного творчества. Расцвет Нагарджуниконды приходится на годы правления царя Матхарипуты Сири-Вирапурисадаты (третья четверть III в.). Наиболее значительные сооружения в Нагарджуниконде — это большая ступа (*mahācetiya*), несколько меньших ступ (№№ 2, 3, 6 и 9), два апсидальных храма¹⁴⁵, монастырские постройки (№№ 4 и 6), одна *мандапа* и др. Большинство из них принадлежит к «поздней фазе» Амаравати¹⁴⁶. Надписи отличаются более зрелым стилем нежели вотивные надписи большой ступы Амаравати и пещер западных Гхат. Здесь они построены по твердой схеме: вводная формула — имя и происхождение жертвователя — стереотипная формула восхваления — предмет пожертвования — формула благословения — имя получателя — дата и год правителя; однако последовательность отдельных элементов значительно варьируется. В противоположность надписям Амаравати, составленным от лица частных жертвователей, здесь в большинстве случаев надписи царские. Царские надписи Икхаку отличаются от царских надписей Сатаваханов и по стилю, и по внешней форме.

Икхаку были последней более или менее крупной местной династией в этой части Декана, покровительствовавшей буддизму; точнее говоря, поддержку буддизму оказывала женская линия этой династии (например, Бхаттидэва, супруга Матхарипуты Сири-Вирапурисадаты; Чатисири, его тетка; *махадэви* Кодабалисири, его дочь; *махадэви* Бапасириника, его жена; *махадэви* Кхандувула, супруга царя Сири-Эхувула Чхатамулы и другие. При Икхаку буддизм не был единственным религиозным направлением¹⁴⁷, брахманизм и древние народные культы никогда не исчезали совсем, даже если веками находились в тени буддизма. Таким же образом никогда не теряло своего значения и брахманское жречество. Это ярче всего обнаруживается в буддийских источниках, например в Джатаках, а также в эпиграфике¹⁴⁸.

Вакатаки, объединившие под своим владычеством большую часть Декана в III—IV вв., Абхиры на северо-западе, Паллавы и Кадамбы в Южном Декане и в Южной Индии были откровенными покровителями формирующегося индуизма, который в конце концов вытеснил буддизм из Декана. Буддийские надписи явно преобладают до середины III в., но в конце его картина постепенно меняется — в основном буддизм уже перешагнул зенит своего главенствующего положения. Индуизм — синтез древнего ведического брахманизма и множества народных культов, почуствовал уже почву под ногами, хотя мы не можем еще точно установить исходный момент этого развития. Одним из признаков победоносного проникновения индуизма является быстрая убыль буддийских дарственных надписей в Андхрадеше.

¹⁴⁴ Санскр. *Ikṣvāku*; потомки *Ikṣvāku* (собственное имя одного царя), во мн. ч. название народа; *ikṣvāku* называется также вид огурцов — можно было бы предположить, что здесь лежат в основе древние представления племенного тотемизма.

¹⁴⁵ Речь идет, собственно, о двойном храме, связанном с монастырем.

¹⁴⁶ См. *F a n z*, ук. соч., стр. 156.

¹⁴⁷ Он не был таковым ни при царе Апоке, ни при Канишке, которые в древнеиндийском предании считаются покровителями буддизма *par excellence*.

¹⁴⁸ «*Nasik Buddhist Cave Inscriptions of Uṣavadāta*», *L ü d e r s*, №№ 1131, 1133 и 1135; «*Karle Buddhist Cave Inscription*», *L ü d e r s*, № 1099.

При Сатаваханах и западных Кшатрапах пожертвования брахманам все еще являются исключением, а в надписях IV—V вв. уже доминируют пожалования брахманам земель и деревень, индуистских храмов и культовых мест. Но вернемся к буддийским сооружениям Нагарджуниконды. Как надписи Икхаку представляют собой позднюю фазу буддийских votивных надписей, так и культовые постройки, особенно их рельефы, воплощают поздний стиль буддийского искусства. «В позднем рельефе они (утолщения, обрамляющие рельефы по сторонам.— М. Н.) превращаются в тонкие рейки, фигуры тоже тонконоги и узки; в первом движении они в необозримом множестве рассеяны по поверхности друг над другом; вместо простого деления на регистры, принятого в старых изображениях, — пространственная глубина. Детали кажутся текучими и намечены лишь поверхностью... избегается всякая статическая поза, даже сидящие и лежащие фигуры изгибаются в живом повороте... почти танцевальный ритм как будто наполняет все сцены»¹⁴⁹.

Viharas в районе Нагарджуниконды также отражают этот зрелый стиль буддийской монастырской культуры. В основных чертах они похожи по своему устройству на североиндийские монастыри. Это замкнутые прямоугольные сооружения с опорными столбами в центре. Кельи расположены вдоль внешних стен. Среди них имеется более обширное помещение, служившее трапезной. Как и на северо-западе, монастыри входили вместе со ступами и храмами *четы* в один замкнутый культовый комплекс. Североиндийские монастыри гандхарского района, например, Джаульян, Мохра-Мораду (Таксила), Такхт-и-Бахи, Джамал-Гархи, не имеют залов с колоннами. Так же как в эпиграфических свидетельствах Западных Гхат, мы находим и в Нагарджуниконде надписи, сообщающие об основании монастырей — «Detached Pillar Inscription N of the Reign of Vāsethīputa Ehuṅvula Chātāmūla, Year II» (EI, XX, № 1, 13): *махадэви* Кодабалисири, сестра правителя и жена махараджи области Ванавасаки, пожертвовала *вихару* — вероятно, № 5 раскопок в Нагарджуниконде. — и один столб, на котором повелела высечь посвятельную надпись. Этот монастырь она передала *сангхе* Чатудиса¹⁵⁰, но специально для духовных учителей (*achariyānaṃ*) *махисасаки*, подсекты *сарвастивадинов*¹⁵¹. Работы были проведены на 11-м году правления царя Эхувулы Чхатамулы *тхерой* Джаммагхоши, который был, судя по всему, *навакаммикой*, т. е. главным руководителем работ для всего монастыря. Три надписи от 2-го года царя Сири-Эхувулы Чхатамулы сообщают об основании монастыря царицей *махадэви* Вхаттидэвой, невесткой царя Васетхипуты Сири-Чхатамулы, супругой царя Матхарипуты Сири-Вирапурисадаты и матерью царя Сири-Эхувулы Чхатамулы. Между текстами этих трех надписей имеются лишь незначительные разночтения. В двух надписях дата совершенно совпадает: «*samvachharaṃ bitiyāṃ gimha-pakkhaṃ chhathāṃ 6 divasaṃ 10 dasamaṃ*». В третьей надписи конец фрагментирован, но и здесь, кажется, упоминается 2-й год Эхувулы Чхатамулы. Во всех трех надписях говорится, что монастырь был дарован секте *бахусутия*¹⁵². Мы не ошибемся, если примем, что во всех трех случаях речь идет об основании одного и того же мо-

¹⁴⁹ Fran z, ук. соч., стр. 157.

¹⁵⁰ Палийское *Catuddisa Saṅgha*, «Сангха четырех стран света», обозначает что-то вроде идеального единства буддийских общин в их совокупности, которого, однако, в действительности никогда не существовало: буддийская *сангха* уже в ранний период распалась на бесчисленные школы и секты с подразделениями. В некоторых надписях предмет пожертвования завещается всей *сангхе* Чатудиса, но в большинстве случаев затем следуют уточнения: завещается специально монахам или монахиням определенной, названной по имени школы или монастыря.

¹⁵¹ О буддийских сектах ср. Lamotte, ук. соч., стр. 579.

¹⁵² *Bahuśrutīya*, ответвление *махасангхиков*.

настыря. Его можно, по всей вероятности, идентифицировать с развалинами монастыря № 4 в комплексе, раскопанном приблизительно в 40 м к юго-востоку от большой ступы (Mahācetiya)¹⁵³. Бхаттидэва передала в собственность монахам секты Бахусутия монастырь «savajataniyuto» «снабженный всем необходимым». Это выражение встречается во всех надписях о пожертвовании монастырей времени Икхаку и производит впечатление устойчивой формулы. Термин «savajataniyuto» выражает либо просто «передачу готового здания», либо он подразумевает определенные привилегии, обеспечивающие снабжение монастыря¹⁵⁴. В пещерных надписях Западных Гхат чаще встречается понятие «bhikhuhalaparigaha». Оно обозначает надделение монастыря денежными пожертвованиями (в виде вкладов), земель, доходными местами, где взимались палог, т. е. вид «брахмадеи». В надписях Икхаку «savajataniyuto» никогда не разъясняется более подробно, так что нам остается довольствоваться аналогиями и предположениями.

Две следующие надписи имеют частный характер и относятся не к основанию монастыря, а к размещению в ряде монастырей различного рода подарков — «Inscription of the Time of Ehuva Chātāmūla, Year 24», EI, XXXV, № 1, 4: купец (śreṣṭhin, пали — setthi) Кумарадин вместе со своей женой (śreṣṭhinī) и со своими родственниками пожертвовал каменный фриз с изображением Будды (śailamaṃṃ pratimā) и надписью келье Махадэви (Mahādevī-pariveṇa) в Виджайяпури на горе Шрипарвата. *Паривена* и обозначает собственно «келья». Вероятно, можно связать эту надпись с надписями царицы Бхаттидэвы, которая учредила «Царицын монастырь» (Mahādevī-vihāra) на втором году царя Эхувулы-Чхатамулы. *Махадэви-паривена* могла быть каким-нибудь помещением в этом монастыре (или даже им самим), которое Кумарадин велел украсить каменным фризом. Он сделал это, согласно его посвячительной надписи, в 24 году Эхувулы Чхатамулы. В этом нет ничего противоречащего нашему допущению: «Царицын монастырь» был расположен в Виджайяпури, столице Икхаку в долине р. Кришна, на горе Шрипарвата.

Очень интересна одна надпись времени царя Матхарипута Сирп-Вирапурисадаты, отца Эхувулы Чхатамулы — «Second Apsidal Temple Inscription F of the Time of Maṭharīputa, Year 14», EI, XX, № 1, 11: мирская последовательница Бодхисирп пожертвовала от имени своих многочисленных родственников следующие сооружения в различных *вихарах*: 1) в Cula-Dharmagiri-Vihāra (на горе Шрипарвата, пракр. Siripavata) — *четья-двор* (cetiyaḡhara) с каменной настилкой пола, savaniyuta «снабженный необходимым»; 2) в Kulaha-Vihāra¹⁵⁵ — один *четья-двор* (cetiyaḡhara); 3) в Sīhala-Vihāra — храм для священного древа Бодхи (bodhī-rukha-pasāda); 4) в Mahā-Dharmagiri-Vihāra — келью (ovaraka); 5) в Mahā-Vihāra¹⁵⁶ — столб для двора (maṇḍapa); 6) в Puvaseḷa-(Vihāra) — цистерну (talaka), веранду (aḷamdā) и зал (maṇḍava); 7) в Devagiri-(Vihāra) — двор для религиозных церемоний (padhāna-salā); 8) в Mahācetiya, у восточных ворот, в Кантакаселе — каменный двор (selamaṇḍava); 9) в Hirumuthuva (Hirumustūpa) — три кельи (ovaraka); 10) в Papilā¹⁵⁷ —

¹⁵³ Эти три надписи следующие: 1) «Detached Pillar Inscription G of Mahādevī Bhaṭṭideva», EI, XX, № 1, 12; 2) «Ayaka-pillar Inscription of the Reign of Ehuva Chātāmūla, 62, Year 2», EI, XXI, № 11, 1; 3) «Ayaka-pillar Inscription, G 3, EI, XXI, № 11, 2.

¹⁵⁴ Ср. прим. 96.

¹⁵⁵ Cula-Dharmagiri Vihāra, к востоку от города Виджайяпури, упоминается еще раз во фрагменте надписи из Нагарджуниконды (EI, XXXIV, № 32, 2 B IV).

¹⁵⁶ Mahā-Vihāra упоминается еще в «Footprint Slab Inscription» из Нагарджуниконды (EI, XXXIII, № 46) и в «Pillar Inscription M 2» (EI, XXI, № 11, 5).

¹⁵⁷ Здесь остается неясным, о каком культовом сооружении идет речь.

семь келий (ovaraka); 11) в Puphagiri-(Vihāra) — каменный двор (selamaṇḍava); 12) в Dhaṁ....-(Vihāra) — каменный двор (selamaṇḍava).

Судя по количеству и ценности дарений, это должна была быть очень зажиточная семья, в которой Бодхисири являлась, может быть, старшей в роде. Мы ничего не знаем об ее социальном происхождении, она называет себя лишь «мирской последовательницей». Один из ее родственников, однако, упомянут как koṭhākārika (санскр. koṣṭhākārika), в переводе, примерно, «казначей». Если Бодхисири делает эти пожертвования от имени своих родственников и велит составить надпись по этому поводу, из этого можно сделать выводы об общественном положении женщины в те времена.

В надписи упоминается монастырь Пуvasела (санскр. Pūrvaśaila), в котором жили монахи школы пуббаселия. Пуббаселии и авараселии — подразделения секты четиков (санскр. Caitika, Saila), которые в свою очередь принадлежали к махасангхикам. Китайский монах-паломник Сюань-цзан, странствовавший по всей Индии в VII в., знает обе эти секты: «Если пройти около 1000 ли к югу отсюда, мы придем в царство Дханакатака. К востоку от столицы, примыкая к горе, находится сангхарам по имени Пурвашила¹⁵⁸. К западу от столицы, примыкая к горе, находится санггарам по имени Аварашила. Дханьякатака была древней столицей Сатаваханов в районе р. Кришны. Сообщение Сюань-цзана дает нам возможность узнать, что обе эти буддийские секты жили оседло здесь несколько сот лет. В какой мере были апарамажавинаселии и махавинаселии, упоминающиеся в надписях Нагарджуниконды, связаны с авараселиями (апараселиями), выяснить точно нельзя. Быть может, речь идет о подразделении этой последней секты.

Все сооружения, пожертвованные Бодхисири, были навакамма — новыми зданиями. Коллегия из трех монахов, в составе тхеры Чапдамукхи, тхеры Дхаммананды и тхеры Нагатхеры надзидала за строительством пожертвованных объектов. Они явились навакаммика «главными надсмотрщиками» строительных работ. В «Чуллавагга» (VI, 5, 2; 17, 2) говорится, что навакаммики несут ответственность за строительство своих собственных вихар и выбирают на эту должность. Однако вышеназванные монахи были ответственны за новостройки целого ряда монастырей и ступ. Так как мы имеем дело с надписью поздней фазы буддийской монастырской культуры в Декане, возможно, что здесь уже существовала духовная должностная иерархия, выходящая за пределы одного монастыря. В таком случае становится понятным, почему три навакаммика могли вмешиваться в дела других монастырей, можно даже полагать, что Бодхисири доверила этим трем монахам надзор за своими пожертвованиями.

Дарения четый, мандап и сал

«Ayaka-pillar Inscription C 2 of the Reign of Virapurisadata, Year 6» (EI, XX, № 1, 7): махадэви Бапасириника, сестра царя Васетхипута Сири-Чхатамулы и жена царя Сири-Вирапурисадаты велела построить большую ступу (Mahācetiya) в Нагарджуниконде и в 6-й год правления этого царя увековечить этот дар в надписи на столбе. Сооружение этой Mahācetiya (īma[m]navakama[m] mahācetiya[m]...) производилось под надзором преподобного (bhadaṁta)¹⁵⁹ Ананды¹⁶⁰, который, должно быть, состоял в это время в качестве навакаммика при этом строительстве, и было пере-

¹⁵⁸ S. Beal, The Life of Hsuen-Tsiang, by the Shaman Hwui Li, transl. by S. Beal, L., 1911, стр. 136; k Pubbaseliya sp. D. C. Sircar, EI, XXXIV, № 32, стр. 211; Mhv. V, 12; Dv. V, 54; k Avaraseliya sp. «Kanheri Buddhist Cave Inscription», Lüders, № 1020; исправлено в INQ, XVIII, 1942, M. C. Dikshit.

¹⁵⁹ Санскр. bhadanta, обращение к буддийскому монаху в смысле «достопочтенный», «высокочтимый».

¹⁶⁰ Ananda.

дано царицей в законченном виде секте *апарамахаваинаселиев*¹⁶¹. В надписи прославляется ученость Ананды. Он знал наизусть Дигха-Никаю и Мадж-жихима-Никаю и был учеником (*aṃtevāsika*) духовных наставников (*āchāriyas*) *Арья-сангхи* (*Āriya-saṃgha*), преподававший дигха- и мадж-жихима-никаю.

«First Apsidal Temple Inscription E of the Reign of Vīrapurisadata, Year 18» (EI, XX, № 1, 10); Чатисири, жена Васетхипуты Кхандисири из рода Пугиев, тетка Сири-Виранурисадаты, основала на 18-м году этого царя первый апсидальный храм¹⁶² при монастыре № 6 в Нагарджуниконде (*setiyaghara*), и кроме того, каменный зал (*selamaṃṭava*), окруженный крестовым ходом (*chātusala-parigahitaṃ sela-maṃṭava[m]*) у подножия большой ступы. Эти три постройки были так же, как и сама ступа, подарены *апарамахаваинаселиям* на 6-м году царя. Постройки были *savaniyuta* «снабжены всем необходимым»¹⁶³.

Поблизости от большой ступы были, действительно, раскопаны вплотную примыкающие к восточной стороне первого апсидального храма остатки большого облицованного камнем двора и несколько столбов, которые поддерживали прочную деревянную крышу (EI, XXI, № 11, стр. 64).

Надписи Икхаку содержат ряд имен знатных родов, состоявших в свойстве с царским домом, члены которых занимали высокие должности: Пугии или Пукии — «First Apsidal Temple Inscr. E of the Reign of Vīrapurisadata, Year 18» (EI, XX, № 1, 10); *Āyaka-pillar Inscr. C 3 of the Reign of Vīrapurisadata, Year 6* (EI, XX, № 1, 1); Дханаки — «*Āyaka-pillar Inscr. B 2... , Year 6*» (EI, XX, № 1, 4); Хирабьяки — там же, В. 4..., Year 6 (EI, XX, № 1, 5).

В ряде надписей (Санчи, Амаравати, пещерные надписи Западных Гхат) мы находим термины, которые можно также определить как семейные и родовые имена. Поскольку это почти всегда лишь краткие вотивные надписи на ступах и стенах пещер, не всегда удается установить, действительно ли в отдельных случаях имеются в виду имена определенных объединений (религиозного или также хозяйственного характера). В надписях Санчи встречаются фамильные или родовые имена Тапасия, Сапхинейка и Вакилия из Уджаяни (*Ujjayini*): Наджа, невестка из рода Тапасиев (*Lüders*, № 219); Исимита, из рода Тапасиев из Уджаяни (№ 220); Симхадата, из рода Тапасиев (№ 228); Мита, невестка Тапасиев (№ 307); Дхамадата из рода Тапасиев (№ 409); Вакилии из Уджаяни (№ 172); Исика из рода Сапхинейков из Уджаяни (№ 229). Здесь, возможно, речь идет о членах богатых и знатных семейств из Уджаяни, которые делали пожертвования ступе Санчи. Можно привести и другие надписи, в которых, очевидно, упоминаются родовые имена: «*Junnar Buddhist Cave Inscriptions*» — Мала из рода Мудхакиев и Аанада из рода Чолиякья (*Lüders*, № 1151), братья Будхамита и Будхаракхита из рода Ланкудия в Бхарукаччхе (*Lüders*, № 1169); «*Karle Cave Inscription*» — *махаратхи* Васитхипута Сомадэва, сын *махаратхи* Митадэвы, из рода Окхалакья (№ 1100); Окхалакья были знатным родом, о чем говорит титул *махаратхи*, который носили отец и сын; «*Amaravatī Buddhist Inscriptions*» — Бодхи и Нагамули из рода Пусилия (пожертвование на благо их племянников, зятьев, внуков и внучки — № 1207); Кхада, жена домохозяйина (*gaharati*) Сидхатхы из рода Джадикьев (№ 1244); домохозяйин Кахутара и Исила, сын домохозяйина Пури, из рода Пиндасутария (№ 1248).

¹⁶¹ Ср. прим. 157.

¹⁶² Монастырь № 6 в Нагарджуниконде был связан с двойным храмом (двойная четья), причем обе четьи имели апсидальную форму.

¹⁶³ Ср. прим. 96.

Имеются еще две интересные надписи о пожертвовании *mandāra*. «Two Inscriptions of the Time of Ehuṅvula Chātāmūla, Year 8» (EI, XXXV, № 1, 2, A, B): мирской последователь Чадасири пожертвовал Арья-Сангхе...¹⁶⁴ в *śeṭhivara-vaḍhamāna*, в *maḥā-nigāya aparāmaḥa-vināseliyev* на горе Сирипавата в Виджайяпури каменный зал (*selamaḍava*) и один *bhāra-sala*. Эта надпись представляет некоторые трудности: «*śeṭhivara-vaḍhamāna*» — это санскритское «*śreṣṭhivara-varḍhamāna*». В другой надписи из Нагарджуниконды — «Fragmentary Inscription B II (EI, XXXV, № 7, B II): — мы встречаем понятие «*maḥārāja-varḍhamāna*». По Д. Сиркару (там же, стр. 19) *śreṣṭhivara-varḍhamāna* означает «...вероятно, буддийское религиозное учреждение, поддерживаемое *śreṣṭhin*'ом или ростовщиком — *Maḥārāja-varḍhamāna*... могло поддерживаться одним из царей Икхаку». Для *maḥā-nigāya* (*maḥā-nīkaṅga*) мы можем здесь уверенно принять значение «орден, братство, подразделение», а также «секта». Объяснение второго объекта жертвования затруднительно. По мнению Д. Сиркара, здесь *bhāra-sala* стоит ошибочно вместо *bhāṅḍāra-sālā* (санскр. *bhāṅḍāra-sālā*) «кладовая, склад» (EI, XXXV, № 1, 7 B II, стр. 3).

В надписи В тот же Чадасири пожертвовал *тхерам* Арья-сангхи..., жившим в каменном дворе (*sela-maḍava* — очевидно, речь идет о том дворе, который он сам пожертвовал). в *śeṭhivara-vaḍhamāna*. в *maḥā-nigāya maḥavināseliyev* (принадлежавших) к [числу] *aparāmaḥavināseliyev* на г. Сирипавата в Виджайяпури. — зал (*sala*), назначение которого¹⁶⁵ не поддается точному определению. *Maḥavināseliyev*, согласно надписи, были подразделением секты *aparāmaḥavināseliyev*.

Дарения буддийским культовым сооружениям Столбы *аяка* (*āyaka khaṁbha*)

Столбы *аяка* представляют собой особенность структуры ступ южной Андхрадешы. Они олицетворяют пять небесных *дхьяни* будд¹⁶⁶.

«*Āyaka-pillar Inscription B 2 of the Reign of Vīrapurisadatta Year 6*». (EI, XX, № 1, 4) — надпись *махаталавари* Адави-Чатисири, дочери царя Васетхипута Сири-Чхатамулы, сестры царя Матхарипуты Сири-Вирупурисадаты, супруги *махасенапати*, *махаталавари*, а также *махаданданаяка* Кандависакханаки из семьи Дханаков.

«*Āyaka-pillar Inscription C 3 of the Reign of Vīrapurisadatta. Year 6*» (EI, XX, 1, 1) — надпись *махаталавари* Чатисири, сестры царя Васетхипута Сири-Чхатамулы, тетка (со стороны отца) царя Матхарипуты Сири-Вирупурисадаты, супруги *махасенапати* и *махаталавари* Васетхипуты Кхамдасири из семьи Пукиев.

«*Āyaka-pillar Inscription C 4 of the Reign of Vīrapurisadatta Year 6*». (EI, XX, № 1, 8) — надпись *махадэви* Чатхисири, сестры царя Васетхипута Сири-Чхатамулы, супруги Матхарипуты Сири-Вирупурисадаты.

Столбы-*аяки* этих трех надписей были пожертвованы большой ступе (*Maḥācetiya*). Интересно не столько само посвящение столбов, сколько упоминающиеся в этих надписях титулы и должностные ранги, для которых имеются параллели в западнодеканских надписях: *maḥāsenāpati* «высший военачальник»; *maḥādaṇḍanāyaka* «верховный судья» или «начальник

¹⁶⁴ Название *Ārya-Saṅgha* не расшифровывается ни в А, ни в В.

¹⁶⁵ «*padarasa Siripavate Vijayapure Aparamahavinā[s]eliyanaṁ ma[hāvina]seliyanaṁ maḥā-nigāye Śeṭhivara-vaḍhamāne... kasa Ariya-saḥasa sela[maḍava] [vathavana] therana salā nivaṇaya [na]tha[.ti]*».

¹⁶⁶ Fran z, ук. соч., стр. 151.

полиции»¹⁶⁷; mahātālavara — по Д. Сиркару (EI, XXXIV, № 30, стр. 198) «a title of an official or subordinate chief»; по S. K. Chatterji and S. Sen, A Middle Indo-Aryan Reader, Calcutta, 1957, стр. 128 — «grand master of the city guards».

Во всех приведенных надписях носителями титулов являются члены царской семьи или ее родственники. Их жены также носят эти титулы. Неясно, идет ли здесь речь о почетных титулах или о реальных должностях, впрочем одно не исключает другого.

В числе надписей Икхаку имеется несколько «*chhāya-thabha*», мемориальных колонн павшим воинам, и упоминающиеся здесь *сенапати* были, без всякого сомнения, действительными военачальниками. Из другой надписи Нагарджуниконды (EI, XXXIII, № 27) нам известен титул «*talavavara*», носитель которого не был членом царского дома. *Талававарара* мог быть подчиненным *махаталавары*.

Надпись из Нагарджуниконды времени Абхира Васушены (EI, XXXIV, № 30) упоминает *махаграмуку*, *махаталавару*, *махаданьяку* по имени Шивашепа из рода Перибидеха. Здесь *махаграмика* несомненно не только глава деревни или группы деревень. Д. Сиркар, во всяком случае, видит в нем «главу группы селений, подобного *раштракутам* некоторых более поздних южноиндийских записей». Возможно Шивашепа действительно был крупным землевладельцем или держателем лена. Так как он фигурирует в надписи в качестве жертвователя вместе с Yōrājis из Санджайпуры, śaka Рудрадаманом из Аванти и Вишнурудрашиваланандой Сатакарни из Ванавасы, он должен был быть высокопоставленной личностью — государственным сановником или вассальным царем, вряд ли только лишь главой группы деревень.

«Jaggayyapeṭa Buddhist Pillar Inscription of the Time of rājan Mātharīputa Siri-Vīrapurisadatta of the Ikhākus. Year 20» (Lüders, № 1202) — ремесленник (avesani) Сидхатха со своей семьей пожертвовали пять *аяк* у восточных ворот большой ступы (Mahācetiya) в Велагиригаме. Из более мелких приношений следует упомянуть каменную плиту с изображением следов ног Будды (patipada). Согласно надписи, она была пожертвована Будхи, сестрой Моды, названного Сака. Оставляя в стороне вопрос о том, действительно ли речь идет о мирской последовательнице сакского происхождения, здесь мы несомненно видим письменное свидетельство знакомства с буддизмом и неиндийцев. В ступе Санчи и пещерных надписях Карле встречается несколько жертвований, сделанных *яванами*.

Социальное членение жертвователей в надписях Нагарджуниконды не дает ничего принципиально нового по сравнению с социальным делением пещерных надписей: как здесь, так и там представлены одинаковые общественные слои, в которых буддизм находил сильнейший отклик.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ

mahārāja «великий царь» (EI, XXXIV, № 30; EI, XXXV, № 1A); mahīśī, mahādevī «главная жена царя» (EI, XX, № 1, 7; XXI, № 11, 1; 2; 7; 12; 13; XXIX, № 18; XXXIV, № 4, 2); kumāra «царевич», также «наследник престола» (mahārājakumāra) (EI, XXXIV, 4, 1; XXV, № 1, 3); mahātālavara, mahātālavarī — придворный титул Икхаку (EI, XX, № 1, 1; 4; 5; XXXIV, № 30); mahāsenapati, mahāsenapatinī «верховный военачальник», а также почетный титул (EI, XX, № 1, 1; 4, 5; XXXIV, № 30; XXXV,

¹⁶⁷ Ср. «Sāñchi Inscription of Svāmin Jīvadāman, Year 13» (EI, XVI, № 16), «Nāgarjunikoṇḍa Inscription of the Time of Abhira Vasushena, Year 30», (EI, XXXIV, № 30).

№ 1, 3; 6); mahādandanāyaka «верховный судья» или «начальник полиции» (EI, XX, № 1, 4); mahāgrāmika «вассальный правитель», а также почетный титул (EI, XXXIV, № 30); talavagavara — должностное звание при Икхаку (EI, XXXIII, № 27); senapati «военачальник» (EI, XXXIII, № 27; XXXV, 1, 6, B₂ и B₃); rathika (санскр. rāṣṭrka) «начальник округа»¹⁶⁸ (EI, XXXV, 1, 6, B₁ и B₄); disidhārikā (санскр. dr̥śidhārikā) «факельщица», придворная должность (EI, XXXII, № 2) (~ царя по имени Манасада); antahpura-mahattarikā — вероятно, исполняющая придворную должность в царском гареме (antahpura) (EI, XXXV, 1, 1в); upasāka, upāsikā «мирской последователь (ница)» (EI, XX, № 1, 11; XXXV, № 1, 2А; В); seṭhi «шпенец» (EI, XXXV, № 1, 1В — дочь ~; XXXV, № 1, 4); vanij, vāniya «торговец» (EI, XXXIII, № 3, 7 — сын ~); āvesani, āvesanika «ремесленник» (EI, XXXV, № 1, 6 C₁, Lüders, № 1202) (Jaggayyareṭa); kothakarika (санскр. koṣṭhakarika) «казначей» (EI, XX, № 1, 11); saka, собственно śaka = скиф (EI, XX, № 1, 16; 17).

Мы ограничились в настоящем исследовании лишь анализом значения буддийских надписей, причем сильная тенденция к брахманизации правящих классов в той степени, в какой она уже обнаруживается в надписях Икхаку, не принималась нами во внимание. Нам удалось показать, что развитие буддийской монастырской культуры в Западном и Южном Декане нельзя рассматривать в отрыве одно от другого. Пещерные *вихары* западного Декана, хотя, пожалуй, и не были первой ступенью на пути развития крупных монастырских построек на поверхности распространенных в Южном Декане, но все же представляли собой его важный этап. Конечно, следует предполагать, что имелись и североиндийские влияния — план и устройство монастырей во многом сходны со своими североиндийскими соответствиями. Буддийское искусство в Декане тоже осталось не без влияния северо-западного гандхарского искусства, но тем не менее оно проделало вполне самостоятельный путь развития. Художественное оформление больших ступ Амаравати, Нагарджуникопды и других мест гораздо больше соответствует индийской традиции и духовному складу, чем гандхарскому искусству. И в Декане также явно прослеживается постепенный поворот в буддизме от *хинаяны* к *махаяне*, а также все усиливающаяся ассимиляция его с древним брахманизмом и многочисленными народными культурами. В Декане уже рано и более устойчиво, чем в Северной Индии, обозначились тенденции, направленные против буддизма, который так и не стал народной религией в Андхрадеше. Насколько мы можем судить по источникам, в царстве Андхары эти древние народные культы оказались особенно живучими, вероятно, вследствие большей изоляции отдельных частей этой страны друг от друга, чего в такой степени не было в Северной Индии. Господствующий класс царства Андхры брахманизировался относительно поздно, но зато последовательнее, чем в Северной Индии. Одна из причин этого явления кроется, по-видимому, в том, что буддизм в Декане не имел ни в народе, ни в господствующем классе такого всепроникающего распространения через успешное миссионерство, как, например, на Цейлоне.

Об этом свидетельствует несколько интересных фактов. Сатаваханы, так же как цари Икхаку, приводят каждый раз в своей официальной титулатуре название материнского рода, например: Готамипута Сири-Сатакани¹⁶⁹ — Сири-Сатакани, сын женщины из рода Гаутама; Васитхишуга Сири-Пулумаи — Сири-Пулумаи, сын женщины из рода Васиштха; Васетхишуга Сири-Чхатамула — Сири-Чхатамула, сын одной Васиштхи,

¹⁶⁸ По D. S i r c a r (EI, XXXV, № 1, 6, B₁, стр. 15) — «governor of a rāṣṭre».

¹⁶⁹ Gautamīputra Śrī-Satakarnī.

женщины из рода Васиштха; Матхарипута Сири-Вирапурисадата — Сири-Вирапурисадата, сын одной Матхари, женщины из рода Матхара; Васетхипута Кхандасири Пугиянам — Кхандасири, сын женщины из рода Васиштха, из семьи Пугия.

Мы узнаем здесь как брахманскую систему *gotra* (gotra), так и пережитки матриархата. *Gotры*, даже сегодня играющие роль у ортодоксальных брахманов, не следует отождествлять с *джати* (Jāti). Члены одной и той же *gotры* могли принадлежать ко многим разным *джати*. В вопросе о происхождении этих *gotр* нет полной ясности. Некоторые ученые считают, что в них можно видеть древнейший индоевропейский пережиток, видоизменившийся в соответствии с индийскими условиями после переселения индоарийцев. *Gotra*, чисто санскритское слово, обозначает «коровник». Известно — и гимны Ригведы красноречиво свидетельствуют об этом, что богатство арийских индийцев состояло в их стадах, которые вначале, вероятно, содержались сообща, т. е. принадлежали родовому союзу. Понятие для главного источника богатства переносили затем на весь родовой союз. *Gotра* в значении «клан» появляется в Атхарва-веде, V, 21, 3. *Gotры* были связаны кровным родством и эндогамны; однако были и отдельные экзогамные *gotры*. Трудность состоит в том, что *gotры*, как они известны по историческим источникам, являются прежде всего брахманским институтом. Все брахманы должны были якобы происходить от мудрецов (ṛṣi) незапамятных времен.

Называют семь таких мудрецов, а иногда восемь. Существует два различных списка этих «семи», из которых наиболее древние меньше связаны с развитой брахманской системой кланов. Жреческие роды весьма рано выделялись из массы простых членов общины (viś) и образовали некий вид замкнутого сословия, противостоявшего простым соплеменникам. Благодаря мнимой посреднической роли между ними и богами и, хотя ограниченными магией, знаниям о природе, они возвышались над другими членами общины и ревностно следили за тем, чтобы эти знания передавались по наследству только внутри их собственного рода. Возможно, при переселении ариев брахманские кланы уже существовали: имеется свидетельство их смешения с доарийскими жреческими родами, некоторые из брахманских наименований *gotр* явно неарийские. Относительно Агастья и Васиштха, двух знаменитых основоположников *gotр*, рассказывается, что они родились из кувшинов. Д. Д. Косамби истолковывает «кувшин» как «тело» и в случае Васиштхи принимает, что это было тело какой-нибудь доарийской богини-матери¹⁷⁰. Агастья был явно причислен к «семи» только впоследствии. О нем предание говорит, что он был первым, кто пересек горы Виндхья и брахманизировал юг Индии. Он и доньше является чем-то вроде патрона — защитника дравидов. В ходе развития к восьми *gotрам* прибавилось множество других, например, упоминаемая в изученных нами надписях *gotра* Матхара. Мы сталкиваемся даже с явлением двойных *gotр*. Некоторые кланы днем принадлежат Васиштхе, ночью — Кашьяпе. Д. Д. Косамби пишет: «Все это получает смысл лишь в свете гипотезы, что люди, признававшие родство по материнской линии, приспособивались к побеждающему патриархальному обществу»¹⁷¹. Брахманские индоарийцы, которые еще в эпоху Риг-веды были уже организованы по отцовскому праву, захватив Декан, по всей вероятности, покорили еще глубоко матриархальные автохтонные народности и брахманизировали их. Таким-то пережитком матриархата и является сохранившееся в официальном титуле царей Сатаваханов указание на материнскую *gotру*.

¹⁷⁰ «An Introduction to the Study of Indian History», Bombay, 1956, стр. 97.

¹⁷¹ Там же, стр. 99.

Определенное исключение при оценке буддийского влияния в Декане представляют собой города западного побережья; тут замечается очень сильная склонность к буддизму у городских слоев населения. В прибрежных городах, разбогатевших от внутренней и, главным образом, от внешней торговли, было много людей, общественное положение которых отнюдь не совпадало с их рангом в брахманской социальной системе. Общественное положение каждого определялось прежде всего его состоянием, а не принадлежностью к той или иной вере. К тому же в этих городах было много чужеземцев — даже целые заморские фактории. Эти чужеземцы стояли, как *млеччи* (*mleccha*), за пределами брахманской системы, поэтому понятна именно их склонность к буддизму. Богатые городские слои были учредителями пещерных *вихар* в Западных Гхатах. С ростом влияния и накоплением богатства буддийских монастырей, а также в связи с перемещением политического центра тяжести на юг и с экономическим расцветом Андхрадешы (расцвет городской культуры, скопление богатства в руках правящего класса и зажиточного верхнего слоя) возникли крупные монастырские комплексы в Южном Декане при Сатаваханах и в районе Кришны — Годавари при Икхаку. Развитие больших буддийских монастырей тесно связано с характером экономических процессов в данную эпоху. Хотя экономические связи древнего мира были намного слабее, чем в раннюю эпоху нового времени, но все же они были достаточны для того, чтобы расцвет или упадок какой-либо великой державы, например, Римской империи, оказывал не только политическое, но и экономическое воздействие на другие государства¹⁷².

Наступление экономического упадка отразилось и на буддийской монастырской культуре. «Экспансии римского государства в Азии препятствовала быстро крепнущая власть Сасанидов. Внутренние трудности слишком сильно разросшейся империи стали ощущаться и далеко на Востоке; стало невозможно поддерживать индийские торговые поселения, а их ликвидация больно ударила по Декану. Искусство тоже пострадало от этой перемены. Действенная поддержка, которую оказывали святым местам правители и богатые купцы, сократилась и, наконец, совсем иссякла»¹⁷³. Однако этот этап развития относится не к рассматриваемой нами эпохе (I — конец IV в.), а лишь к самому концу IV до VI в.

Но экономический закат городов не был единственной причиной спада буддийской монастырской культуры в Декане, этому способствовало и само вырождение буддийского учения и искусства, его отождествление с брахманизмом и народными культами, а также «брахманский ренессанс». Династия преемников Сатаваханов — Абхирри, Паллавы, Вакатаки, из которых династия Паллавов (середина III — середина VIII в.) была самой значительной, все больше обращались к обновленному брахманизму. Ранние надписи Паллавов часто составлялись на пракрите, но по форме и содержанию они заметно отличаются от надписей Сатаваханов и очень сходны по языку и палеографии с надписями Икхаку. Возможно, что паллавские надписи конца III — начала IV в. проникли из района р. Кришны — Гунтура. Во время правления Паллавов завершилась индуизация Южной Индии.

К началу VI в. паллавские надписи составляются уже не на пракрите, а на санскрите. Столица Паллавов Капчи (*Kāpchi*) становится главным центром индуистской санскритской культуры в южной Индии. Сообщения

¹⁷² Разумеется, при этом надо принимать во внимание географическое положение. Периферийные страны гораздо меньше затрагивались этими воздействиями, чем находившиеся в окружении высококультурных культур, или такие страны, которые несмотря на свою удаленность от них, поддерживали с ними очень тесные торговые связи.

¹⁷³ E. B a k t a y, *Die Kunst Indiens*, В., 1963, стр. 160, 161.

китайских паломников подтверждают это мнение. Уже Фа-сянь, страпствовавший по Индии в IV в., констатировал факт упадка буддийской монастырской культуры. Сюань-цзан, прошедший через Индию в VII в., мог еще назвать внушительное число монастырей и обителей, существовавших в Ориссе, Калинге и Южной Косале; но, касаясь последней, Сюань-цзан уже упоминает о большом числе «еретиков» и «храмов дэвов», которые он там видел. Для Декана он уже не называет никаких цифр. Относительно царства Андхра он говорит только об одной *сангхараме*; касаясь царства Дханакатака¹⁷⁴, он рассказывает о некогда прославленных монастырях Пурвашила и Аварашила: «С тех пор это место совершенно покинуто и пустынно, нет ни священника, ни послушника»¹⁷⁵. Даже цитадель буддизма Амаравати полностью потеряла значение и заглохла в эту эпоху.

В настоящей статье мы проанализировали наличный эпиграфический материал (надписи Декана на брахми), относящийся к I—IV вв. н. э., с тем, чтобы показать, каким влиянием пользовался буддизм в Декане в это время, какие общественные слои больше всего поддерживали его и как развивалось и распространялось в этом районе строительство буддийских монастырей. По данным эпиграфических памятников, период расцвета буддийской монастырской и храмовой культуры в Декане падает на начало V в. до н. э. — конец III в. н. э.

Перевод Н. Е. Семпер

DIE ENTWICKLUNG DER BUDDHISTISCHEN STÜPAS UND VIHĀRAS im Dekhan vom 1. bis 4. Jh. u. Z.

von Dr. Marlene Njamasch

Die Verfasserin zeichnet den Entwicklungsweg der buddhistischen Tempel und Klöster in einem Teilgebiet Indiens, dem Dekhan, vom 1. bis zum 4. Jh. u. Z. nach. An Hand der Schenkungsinschriften an den Wänden, den Toren und Zäunen der buddhistischen Tempelanlagen von Sāñchī und Bhārhut im Nordreich der indischen Dynastie der Śātavāhanas und Amarāvati in ihrem Südreich wird eine vergleichende Analyse der Stifter angestellt. So wie zwischen der buddhistischen Kunst Zentralindiens und der buddhistischen Andhra-Kunst im südöstlichen Dekhan kein Entwicklungsbruch besteht, gibt es auch bei Inschriften von Sāñchī, Bhārhut und Amarāvati zeitliche, jedoch keine qualitativen Unterschiede. In Form und Inhalt sind die epigraphischen Zeugnisse — es handelt sich meist um kurze Weihinschriften — einander sehr ähnlich. Eine Untersuchung der Stiftungsobjekte zeigt, daß es sich durchweg um die bei Stūpas üblichen Weihgaben handelt, Pfeiler, Steinplatten, Zubehör der Stūpa-Zäune, aber noch keine Buddha-bilder, dem anikonischen Charakter der Baukunst von Sāñchī, Bhārhut und Amarāvati entsprechend. Analysiert man die soziale Zusammensetzung der Stifter in den drei genannten buddhistischen Zentren, wird erkennbar, daß es im wesentlichen die gleichen sozialen Gruppierungen waren. Die städtischen Ober- und Mittelschichten, meist in Śeṣis (Sanskrit Śreṇi), ähnlich den Gilden des deutschen Mittelalters, organisiert, stellten eine der Hauptstützen der buddhistischen Klosterkultur im Dekhan dar. Eine Besonderheit der Stūpa-Inschriften gegenüber den Klosterinschriften sind die Kollektivschenkungen. Gruppen von Nonnen, Laienanhängerinnen, die Einwohnerschaft von Dörfern und Komitees (goṭhis) treten als Stifter auf.

Die Art der Schenkungsobjekte bei den Stūpas bringt es mit sich, daß Herrscher mit Hof- und Beamtenadel nur in wenigen Inschriften erscheinen, dafür stammt ein beträchtlicher Teil der Höhleninschriften (buddhistische Lepa-Vihāras) aus diesen Kreisen. Bei den analysierten epigraphischen Zeugnissen der Westghats handelt es sich zumeist um Grün-

¹⁷⁴ Очевидно, Dhānyakaṭaka поблизости от Амаравати.

¹⁷⁵ В е а I, ук. соч., стр. 137.

dungsinschriften von buddhistischen Höhlenklöstern, Objekten also, die bedeutende Geldmittel erforderten. Entsprechend fällt die soziale Zusammensetzung der Stifter aus, wir haben Inschriften von Königen, ihren Gemahlinnen, Prinzen, Adligen, hohen Beamten, reichen Kaufleuten und Händlern. Die Hauptbauperiode der Klostergründungen in den Westghats liegt in der Blütezeit des Sātavāhana-Reiches, 1. Viertel des 2. Jh. u. Z. Die Leṇa-Vihāras waren keine direkten Bindeglieder zwischen den frühen primitiven Mönchsbehausungen und den Klosterfreibauten im Süddekhan (Kṛṣṇa-Godavari-Gebiet) und in Nordindien (Gandhāra-Gebiet), eher stellten sie eine Sonderform des Klosterbaues dar und waren ohnehin nur in den Landesteilen möglich, in denen sich die geographischen Bedingungen für ihre Existenz boten. Zu Großklöstern entwickelten sie sich nie. Ihrer Ausdehnung waren natürliche Grenzen gesetzt, außerdem verloren die buddhistischen Leṇa-Vihāras mit der Verlagerung des politischen Schwergewichts des Sātavāhana-Reiches nach Süden und den ständigen Einfällen der Śaka- und Kuṣāṇa-Satrapen in dieses Gebiet gegenüber den Freibauten des südlichen Dekhans und Nordindiens an Bedeutung. Eine große Zahl von Höhlenklöstern wurde von den reichen Kaufleuten und Handelsherren der westlichen Küstenstädte gestiftet. In den ersten zwei Jh. u. Z. bestanden an der Westküste Indiens bedeutende Handelsstädte wie Bharukaccha, Sopara, Kalyāṇa, Champāvati und viele andere, die im Periplus des Erythräischen Meeres erwähnt werden und die ihre Existenz und ihren Reich dem Überseehandel mit dem Mittelmeergebiet zu verdanken hatten.

Handels- und Kaufmannsschicht rekrutierte sich aus allen Gesellschaftsklassen und -schichten, nicht etwa nur aus dem im brahmanischen Gesellschaftssystem privilegierten Brahmanenvarṇa. Die exklusive Religion des Brahmanismus mit ihrer starren gesellschaftlichen Teilung fand bei ihnen wenig Anklang, der Buddhismus dieser Zeit aber negierte noch in gewissem Maße das von der brahmanischen Orthodoxie verteidigte Varṇasystem.

Die ausgedehnten Freibauten der buddhistischen Klosterkultur im Dekhan wurden im Gebiet zwischen Kṛṣṇa und Godavari errichtet. Ihre Blütezeit war unter der späten Sātavāhana-Herrschaft und der ihrer Nachfolgedynastien, von denen die Ikhaku-Dynastie im südöstlichen Dekhan als die bedeutendste hervortritt. Ihre Hauptstadt Nāgarjunikoṇḍa birgt reiche Überreste buddhistischer Kultbauten und Klöster, die eine späte Phase buddhistischer Baukunst repräsentieren. Die Ikhākus waren die letzte größere Dynastie des Dekhan, die als Förderer des Buddhismus auftraten. Auch in den Jahrhunderten der Vorherrschaft des Buddhismus verloren der Brahmanismus und die alten Volkskulte niemals ihre Bedeutung. Aus der Synthese des Brahmanismus mit den zahlreichen Volkskulten erwuchs schließlich der Hinduismus. Bis zur Mitte des 3. Jh. u. Z. sind buddhistische Inschriften klar vorherrschend, ab Ende des 3. Jh. ändert sich das Bild allmählich. Der Buddhismus hatte den Zenit seiner Vormachtstellung im Dekhan überschritten. Die Vākāṭakas, die von etwa der Mitte des 3. Jh. bis zum 6. Jh. größere Teile des Dekhan unter ihrer Herrschaft vereinten, die Ābhiras im Nordwesten, die Pallavas und Kadambas im südlichen Dekhan und im Südindien waren eindeutig Förderer der sich herausbildenden Hinduismus, der den Buddhismus schließlich aus dem Dekhan-Gebiet verdrängte.

Es kam in dieser Untersuchung darauf an, das umfangreiche epigraphische Material der buddhistischen Tempel und Klöster des Dekhans vom 1. bis zum Ende des 3. Jh. u. Z. zu analysieren, um die soziale Zugehörigkeit der Stifter zu bestimmen. Das Ergebnis entspricht im wesentlichen den Aussagen der buddhistischen literarischen Quellen. Herrscher mit Hof- und Beamtenadel, vor allem aber die städtischen Ober- und Mittelschichten waren die Träger der buddhistischen Klosterkultur des Dekhan, die Laienanhänger des buddhistischen Saṅgha, der buddhistischen Sekten und Schulen, ohne die buddhistische Baukunst des Dekhans nicht ihr hohes Niveau erreicht hätte.